

ГИ ДЕ

МОПАССАН

МИЛЫЙ ДРУГ

Шедевры мировой литературы (Мир книги, Литература)

Ги де Мопассан

Милый друг

«Public Domain»

1885

УДК 82/89
ББК 84(4Фр)

де Мопассан Г.

Милый друг / Г. де Мопассан — «Public Domain»,
1885 — (Шедевры мировой литературы (Мир книги, Литература))

ISBN 978-5-371-03059-8

Ги де Мопассан (1850–1893) – выдающийся французский писатель, без которого невозможно себе представить европейскую литературу XIX века. Он и сегодня остается самым читаемым не только у себя на родине, но и за ее пределами, в том числе и в России. Публикуемый в этом томе роман «Милый друг» – история карьеры заурядного репортера Жоржа Дюруа, использующего расположение женщин для продвижения по социальной лестнице. Это и женитьба на богатой Мадлене Форестье, пишущей за него статьи; и роман с госпожой Вальтер, женой банкира-миллионера, с помощью которой он богатеет на биржевых спекуляциях; и свадьба с Сюзанной Вальтер, дочерью банкира, открывающая герою дорогу на политическом поприще.

УДК 82/89
ББК 84(4Фр)

ISBN 978-5-371-03059-8

© де Мопассан Г., 1885
© Public Domain, 1885

Содержание

Часть первая	6
I	6
II	15
III	23
IV	34
V	43
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ги де Мопассан

Милый друг

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2009

© ООО «РИЦ Литература», состав, комментарии, 2009

* * *

Часть первая

I

Получив у кассирши сдачу с пяти франков, Жорж Дюруа вышел из ресторана.

Хорошо сложенный от природы, сохранивший еще свою военную выправку, он выставил грудь вперед, привычным молодецкатым жестом закрутил усы и окинул запоздалых посетителей быстрым и зорким взглядом – одним из тех взглядов красивого мужчины, которые охватывают все кругом, словно взгляд ястреба, высматривающего свою добычу.

Женщины подняли на него глаза; это были три скромные работницы: учительница музыки, не первой молодости, плохо причесанная, небрежно одетая, всегда в запыленной шляпе и в сбившемся набок платье, и две мещанки со своими мужьями – обычные посетители этого ресторанчика с дешевыми обедами.

Очувтившись на тротуаре, Дюруа на секунду остановился, обдумывая, что ему предпринять. Было 28 июня, а в кармане у него осталось ровно три франка и сорок сантимов до конца месяца. Это означало два обеда без завтраков или два завтрака без обедов, на выбор. Он высчитал, что завтрак стоит один франк десять сантимов, а обед полтора франка; таким образом, довольствуясь завтраками, он сэкономит франк двадцать, что обеспечит ему два ужина из колбасы с хлебом да два бокала пива на бульваре. Это было главным его расходом и главным вечерним развлечением. Он направился по улице Нотр-Дам-де-Лорет.

Он сохранил походку тех времен, когда еще носил гусарский мундир, – выпяченная грудь и слегка расставленные ноги, точно он только что слез с лошади; он грубо проталкивался вперед по переполненной народом улице, задевая плечом, толкая прохожих, никому не уступая дороги. Сдвинув немного набок свой поношенный котелок и постукивая каблуками, он шел с таким видом, словно презирал все – прохожих, дома, весь город, – с высокомерием красивого солдата, попавшего в общество штатских.

Несмотря на свой шестидесятифранковый костюм, он сохранял отпечаток известного изящества, бесспорного, но кричащего и несколько вульгарного. Высокий, хорошо сложенный, белокурый, со слегка рыжеватым оттенком волос, пышными усами, торчащими над верхней губой, светло-голубыми глазами с очень маленьким зрачком, с вьющимися волосами, разделенными прямым пробором, он олицетворял собою героя бульварного романа.

Был один из тех летних вечеров, когда в Париже не хватает воздуха. В городе было жарко, как в бане, и казалось, он истекал потом в удушливом мраке ночи. Из гранитных пастей сточных труб вырывалось их отравленное дыхание, а из окон подвальных кухонь несся на улицу омерзительный запах прокисшего соуса и помоев.

Привратники, без пиджаков, сидя верхом на соломенных стульях, курили трубки под воротами домов; прохожие шли усталым шагом, с непокрытыми головами, держа шляпы в руках.

Дойдя до бульвара, Жорж Дюруа снова остановился, колеблясь в выборе дальнейшего пути. Ему хотелось дойти до Елисейских Полей и авеню Булонского леса, чтобы там, под деревьями, подышать немного свежим воздухом; и другое еще желание томило его – желание любовной встречи.

Каким образом она произойдет? Он не знал этого, но уже три месяца, как он ждал ее каждый день, каждый вечер. Правда, благодаря красивому лицу и изящной фигуре ему время от времени перепадало немножко любви, но он надеялся на большее и лучшее.

С пустыми карманами и кипящей кровью, он загорался от каждого прикосновения уличных женщин, шептавших ему на углах: «Пойдем со мной, красавчик», но он не решался идти

за ними, не имея чем заплатить; и, кроме того, он ждал чего-то иного, иных ласк, менее вульгарных.

Тем не менее он любил посещать места, кишачие публичными женщинами, – их балы, их кафе, их улицы; любил толкаться среди них, болтать с ними на «ты», вдыхать их крепкие духи, чувствовать их возле себя. Это все же были женщины – женщины, которых можно любить. Он не испытывал к ним никакого презрения, свойственного семейным людям.

Он направился в сторону Мадлен и отдался течению толпы, которая струилась, изнемогая от жары. Большие кафе, переполненные людьми, захватывали часть тротуара, выставляя напоказ своих посетителей в ослепительном, режущем свете, льющемся из их озаренных витрин. Перед ними, на круглых или четырехугольных столиках, стояли стаканы с напитками – красными, желтыми, зелеными, коричневыми, всех оттенков; внутри графинов блестели большие прозрачные куски льда цилиндрической формы, охлаждавшие прекрасную чистую воду.

Дюруа замедлил шаг; от желания выпить что-нибудь у него пересохло в горле.

Жгучая жажда, жажда летнего вечера, терзала его, и он живо представил себе восхитительное ощущение холодного напитка во рту. Но если он позволит себе два бокала сегодня вечером, тогда прощай скудный ужин завтрашнего дня; а ему были слишком хорошо знакомы голодные часы конца месяца.

Он сказал себе: «Нужно дождаться десяти часов и тогда выпить бокал в “Кафе Америкен”. Черт возьми! Как, однако, хочется пить!» И он смотрел на всех этих людей, сидевших за столиками и пивших, на всех этих людей, которые могли утолять жажду сколько им было угодно. Он проходил мимо кафе с наглым и вызывающим видом и по выражению лиц, по костюму, одним взглядом оценивал, сколько у каждого посетителя было при себе денег. Глухое раздражение поднималось в нем против всех этих спокойно сидящих господ. Если поискать, в их карманах найдутся, конечно, и золотые, и серебряные, и медные монеты. В среднем у каждого должно было быть не меньше двух луидоров; в кафе было не меньше ста человек; сто раз по два луидора – это четыре тысячи франков! Он пробормотал: «Свиньи!» – продолжая изящно покачиваться на ходу. Поймай он одного из них на улице, в темном закоулке, он, право же, без долгих размышлений свернул бы ему шею, как, бывало, делал это в деревнях с домашней птицей в дни больших маневров.

И ему вспомнились два года, проведенных в Африке, вспомнилось, как он грабил арабов на небольших южных стоянках. Жестокая и злая улыбка пробежала по его лицу при воспоминании об одной проделке, стоившей жизни трем арабам из племени улед-алан и доставившей ему и его товарищам двадцать кур, двух баранов, золото и тему для шуток на полгода.

Виновных так и не нашли, да, впрочем, их и не искали, так как арабы считаются чем-то вроде естественной добычи солдата.

В Париже – не то. Здесь нельзя грабить открыто с саблей на боку и револьвером в руке, как там, вдали от гражданского правосудия, на свободе. Он чувствовал в душе все инстинкты унтер-офицера, развратившегося в покоренной стране. Право, теперь ему было жаль этих двух лет, проведенных в пустыне. Какая досада, что он там не остался! Но он надеялся на лучшее по возвращении. И вот!.. Да, нечего сказать, теперь лучше!

Он провел языком по рту, слегка прищелкивая, точно для того, чтобы удостовериться в сухости нёба.

Толпа двигалась вокруг, изнеможенная и усталая; он продолжал думать: «Скоты! У всех этих болванов есть деньги в кармане». Он толкал встречных плечом и насвистывал веселые песенки. Мужчины, которых он задевал, оборачивались, ворча; женщины говорили: «Вот нахал!»

Он миновал «Водевиль» и остановился против «Кафе Америкен», спрашивая себя, не зайти ли выпить бокал – до того мучила его жажда. Прежде чем решиться на это, он взглянул на часы с освещенным циферблатом посередине тротуара. Было четверть десятого. Он знал

себя: как только бокал с пивом окажется перед ним, он проглотит его моментально. Что ему потом делать до одиннадцати часов?

«Дойду до церкви Мадлен, – сказал он себе, – и медленно пойду назад».

На углу площади Оперы он столкнулся с толстым молодым человеком, лицо которого смутно показалось ему знакомым.

Он пошел за ним, роясь в своей памяти и повторяя вполголоса: «Где я, черт возьми, видел этого субъекта?»

Тщетно перебирал он свои воспоминания, потом вдруг, по странному капризу памяти, этот самый человек представился ему менее толстым, более молодым и одетым в гусарский мундир. Он вскричал: «Да ведь это Форестье!» – прибавил шагу и хлопнул проходящего по плечу. Тот обернулся, посмотрел на него, потом сказал:

– Что вам угодно, сударь?

Дюруа засмеялся:

– Ты меня не узнаешь?

– Нет.

– Жорж Дюруа, шестого гусарского.

Форестье протянул ему обе руки:

– А, дружище! Как поживаешь?

– Отлично, а ты?

– Я – неважно. Представь себе, грудь у меня теперь стала словно из папье-маше: из двенадцати месяцев в году я шесть кашляю – последствия бронхита, который я схватил в Буживале сразу по возвращении в Париж, уже четыре года тому назад.

– Что ты! Да ведь у тебя совсем здоровый вид.

Взяв под руку своего старого товарища, Форестье принялся рассказывать ему о своей болезни, о диагнозах и предписаниях врачей, о трудности следовать их указаниям в его положении. Ему предписано провести зиму на юге; но как это выполнить? Он женат, он журналист, имеет отличное положение.

– Я заведу отделом политики в «Ви Франсез». Пишу отчеты о заседаниях сената в «Салю» и время от времени даю литературную хронику в «Планет». Да, я вышел в люди.

Дюруа с удивлением посмотрел на него. Он очень изменился, возмужал. Теперь у него была манера себя держать, походка, костюм как у человека солидного, уверенного в себе; брюшко человека, который плотно обедает. Прежде он был худым, тщедушным, гибким, легкомысленным, задорным, шумливым и всегда веселым. Париж в три года совершенно преобразил его: он потолстел, стал серьезным, волосы на висках начали сесть, а ведь ему было не больше двадцати семи лет.

Форестье спросил:

– Куда ты идешь?

Дюруа ответил:

– Никуда, просто гуляю перед тем, как вернуться домой.

– Так не проводишь ли ты меня в «Ви Франсез»? Мне нужно там просмотреть корректуру. А потом пойдем выпьем вместе по бокалу пива.

– Идет.

И они пошли под руку с той свободной непринужденностью, которая сохраняется у товарищей по школе и по полку.

– Что ты делаешь в Париже? – спросил Форестье.

Дюруа пожал плечами:

– Попросту околеваю с голоду. Когда окончился срок моей службы, мне захотелось вернуться сюда, чтобы... чтобы сделать карьеру или, вернее, просто пожить в Париже; и вот уже

полгода, как я служу в управлении Северных железных дорог и получаю всего-навсего полторы тысячи франков в год.

Форестье пробормотал:

– Черт возьми, это не жирно.

– Я думаю. Но скажи, как могу я выбиться на дорогу? Я одинок, никого не знаю, не имею никакой протекции. Мне недостает средств, отнюдь не желания.

Приятель оглядел его с головы до ног оценивающим взглядом опытного человека. Затем произнес убежденным тоном:

– Видишь ли, мой милый, здесь все зависит от апломба. Человеку ловкому легче сделаться министром, чем столоначальником. Нужно уметь себя поставить, а не просить. Но неужели же, черт возьми, ты не смог найти ничего лучшего, чем место служащего на Северной дороге?

Дюруа ответил:

– Я искал всюду, но ничего не нашел. Сейчас у меня есть кое-что в виду: мне предлагают место учителя верховой езды в манеже Пеллерена. Там я буду получать по меньшей мере три тысячи франков.

Форестье прервал его:

– Не делай этой глупости, если даже тебе дадут десять тысяч франков. Этим ты сразу себе отрежешь путь. В твоей канцелярии тебя, по крайней мере, никто не видит, никто не знает, ты можешь оттуда выбраться, если сумеешь, и еще сделать карьеру. Но если ты станешь учителем верховой езды – все кончено. Это все равно что быть метрдотелем в доме, где обедает весь Париж. Если ты будешь давать уроки верховой езды людям из общества или их сыновьям, они никогда уже не смогут отнестись к тебе как к равному.

Он замолчал, подумал несколько секунд, потом спросил:

– У тебя есть диплом бакалавра?

– Нет, я срезался два раза.

– Это ничего, если ты все-таки окончил курс. Когда говорят о Цицероне или о Тиберии, ты приблизительно знаешь, о ком идет речь?

– Да, приблизительно.

– Отлично. Никто не знает больше, за исключением десятка-другого дураков, которые все равно далеко с этим не уйдут. Прослыть знающим совсем нетрудно; все дело в том, чтобы не дать себя открыто уличить в невежестве. Нужно лавировать, избегать затруднительных положений, обходить препятствия, сажать других в лужу с помощью энциклопедического словаря. Все люди глупы, как гуси, и невежественны, как карпы.

Он говорил со спокойной насмешливостью человека, знающего жизнь, и улыбался, глядя на проходящих. Но вдруг он закашлялся и остановился, чтобы дать утихнуть приступу кашля, потом упавшим тоном сказал:

– Не безобразие ли это, что я никак не могу избавиться от своего бронхита? А ведь сейчас разгар лета! Нет! Этой зимой я поеду лечиться в Ментону. Будь что будет! Здоровье прежде всего.

Они дошли до бульвара Пуасоньер и остановились у большой стеклянной двери, на внутренней стороне которой был наклеен развернутый номер газеты. Трое прохожих стояли и читали ее.

Над дверью огромными зазывающими огненными буквами, вырисованными газовыми лампочками, значилось: «Ля Ви Франсез». Фигуры прохожих, внезапно попадавших в полосу света, отбрасываемого этими ослепительными словами, вдруг вставали, яркие и четкие, точно при дневном свете, и тотчас же снова исчезали во мраке.

Форестье толкнул дверь.

– Входи, – сказал он.

Дюруа вошел, поднялся по роскошной и грязной лестнице, видной всем еще с улицы, очутился в передней, где двое служащих поклонились его приятелю, потом остановился в комнате, служившей приемной, пыльной и замызганной, обитой вылинявшим зеленым трипом, который был покрыт пятнами и местами словно изъеден мышами.

– Присядь, – сказал Форестье, – я вернусь через пять минут.

И он исчез за одной из трех дверей, выходящих в эту комнату.

Какой-то странный, особенный, неуловимый запах – запах редакции – стоял здесь. Дюруа сидел неподвижно, чувствуя себя несколько смущенным, а еще более изумленным. Время от времени мимо него пробегали из одной двери в другую люди с такой стремительностью, что он не успевал на них взглянуть.

Это были или молодые, очень молодые люди, пронесившиеся с деловым видом, держа в руках лист бумаги, трепетавший от их быстрого бега; или наборщики, у которых из-под полинявшей блузы, выпачканной чернилами, выступал чистый белый воротничок и суконные брюки, как у людей из общества; они бережно несли кипы оттисков – свежие, еще сырые гранки. Несколько раз появлялся какой-то человек небольшого роста, одетый чересчур щеголевато, в сюртуке, чересчур узком в талии, в брюках, чересчур тесно обтягивающих ногу, в ботинках с чересчур острым носком, – какой-нибудь репортер, доставлявший светскую вечернюю хронику.

Приходили еще другие люди, важные, сосредоточенные, носившие свои цилиндры с плоскими полями с таким видом, словно этот фасон должен был отличать их от всего остального человечества.

Форестье появился под руку с высоким худым господином, в возрасте от тридцати до сорока лет, в черном фраке и белом галстуке, очень смуглым, с тонкими закрученными усами, с наглым и самодовольным видом.

Форестье сказал ему:

– До свиданья, дорогой мэтр.

Тот пожал ему руку:

– До свиданья, мой дорогой. – И, посвистывая, стал спускаться по лестнице с тросточкой под мышкой.

Дюруа спросил:

– Кто это?

– Жак Риваль, знаешь, известный хроникер, дуэлист; он просматривал здесь свои корректуры. Гарен, Монтель и он – это три лучших хроникера Парижа по умению писать на злободневные темы. Он получает тридцать тысяч франков в год, давая две статьи в неделю.

Выходя, они встретили низенького человечка с длинными волосами, неопрятного вида, толстого, который, отдуваясь, поднимался по лестнице.

Форестье низко поклонился.

– Норбер де Варенн, – сказал он, – поэт, автор «Угасших светил». Это тоже человек, который сейчас в цене. Каждый рассказик, который он нам дает, оплачивается тремястами франками, хотя в самом длинном из них никогда не бывает двухсот строк. Зайдем-ка в «Наполитен» – я умираю от жажды.

Как только они заняли места за столиком кафе, Форестье крикнул:

– Два бокала пива! – И проглотил свой залпом, между тем как Дюруа с наслаждением тянул пиво медленными глотками, смакуя его, точно редкий, драгоценный напиток.

Приятель его молчал, точно размышляя о чем-то, потом вдруг сказал:

– Почему бы тебе не попробовать свои силы в журналистике?

Дюруа посмотрел на него с удивлением, потом ответил:

– Но... ведь я никогда ничего не писал.

– Ба! Все пробуют, все начинают. Я мог бы тебя использовать: ты собирал бы для меня материал, делал визиты, исполнял поручения... Для начала ты будешь получать двести пятьдесят франков, не считая разъездных. Хочешь, я поговорю о тебе с издателем?

– Разумеется, хочу.

– В таком случае вот что: приходи ко мне завтра обедать; у меня соберется не более чем пять-шесть человек – мой патрон, господин Вальтер с женой, Жак Риваль и Норбер де Варенн, которых ты сейчас видел, и одна приятельница моей жены. Идет?

Покрасневший, смущенный, Дюруа медлил с ответом. Наконец он пробормотал:

– Дело в том... что у меня нет подходящего костюма.

Форестье изумился:

– У тебя нет фрака? Черт возьми! Это же необходимейшая вещь! Знаешь, в Париже скорей можно обойтись без кровати, чем без фрака.

Потом вдруг, порывшись в кармане жилета, он вынул кучку золотых монет, взял два луидора, положил их перед своим старым товарищем и сказал с дружеской простотой:

– Ты мне вернешь это, когда сможешь. Возьми напрокат или купи необходимое тебе платье в рассрочку, дав задаток; словом, устраивайся, как знаешь, но приходи ко мне обедать завтра в половине восьмого, улица Фонтен, семнадцать.

Дюруа, растроганный, спрятал деньги и пробормотал:

– Ты очень добр, я тебе крайне благодарен; будь уверен, что я не забуду...

Форестье прервал его:

– Довольно об этом. Выпьем еще по бокалу, хочешь? – И он крикнул: – Гарсон, два бокала!

Когда бокалы были выпиты, журналист предложил:

– Хочешь побродить еще часок?

– Конечно, с удовольствием.

Они пошли по направлению к Мадлен.

– Что бы нам предпринять? – сказал Форестье. – Говорят, что в Париже для фланера всегда найдется развлечение; это неверно. Когда я гуляю вечером, я никогда не знаю, куда пойти. В Булонский лес стоит ехать только с женщиной, а женщины не всегда бывают под рукой; кафешантаны могут забавлять моего аптекаря и его супругу, но не меня. Что же делать? Нечего. Следовало бы устроить здесь летний сад вроде парка Монсо, который был бы открыт всю ночь, где можно было бы слушать хорошую музыку и пить прохладительные напитки в тени деревьев. Он не должен быть похож на увеселительное место, а просто служить местом для гулянья. Плата за вход должна быть высокой, чтобы привлечь красивых дам. Можно было бы гулять по усыпанным песком дорожкам, освещенным электричеством, а когда захочешь – присесть и слушать музыку, вблизи или издали. Нечто в этом роде было когда-то у Мюзара¹, но там на всем лежал отпечаток кабака: там слишком много игралось танцев, мало было простора, мало тени, мало сумрака. Нужен очень красивый, очень большой сад. Это было бы восхитительно. Куда ты хочешь пойти?

Дюруа в смущении не знал, что ответить; наконец он решил:

– Мне еще не случалось бывать в «Фоли-Берже». Я охотно пошел бы туда...

Его спутник воскликнул:

– В «Фоли-Берже»? Черт возьми! Но мы там спечемся, как на жаровне. Впрочем, не возражаю, там все же весело.

И они пошли по направлению к улице Фобур-Монмартр.

Ярко освещенный фасад «Фоли-Берже» бросал снопы света на четыре прилегающих к нему улицы. Целая вереница фиакров дожидалась разъезда.

¹ Мюзар (1793–1859) – французский музыкант, устроитель публичных балов и маскарадов в Париже в 30–40-х гг. XIX в.

Форестье направился к входу; Дюруа остановил его:

– Мы забыли купить билеты.

Форестье важно ответил:

– Со мной платить не надо.

Когда они подошли к контролю, все три контролера поклонились Форестье. Стоявший в середине протянул ему руку. Журналист спросил:

– Есть хорошая ложа?

– Разумеется, господин Форестье.

Он взял протянутый ему билет, толкнул обитую кожей дверь, и они очутились в зале.

Табачный дым, словно легкий туман, окутывал отдаленные части зала, сцену и противоположную сторону театра. Бесперывно поднимаясь беловатыми струйками от сигар и папирос, которые курили все эти люди, этот легкий туман все усиливался, собирался под потолком и образовывал под широким куполом, вокруг люстры, над головами зрителей второго яруса облако дыма.

В широком коридоре, идущем от входа вокруг зала, где бродят толпы разряженных кокоток вперемежку с темными силуэтами мужчин, группа женщин поджидала входящих перед одной из трех стоек, за которыми восседали три продавщицы напитков и любви, накрашенные и поблекшие.

Позади них высокие зеркала отражали их спины и лица проходящих.

Форестье быстро шел, раздвигая толпу, с видом человека, имеющего право на внимание.

Он подошел к капельдинерше.

– Ложа семнадцать? – спросил он.

– Здесь, сударь.

И они очутились запертыми в маленьком открытом деревянном ящике, обитом красной материей, где четыре стула такого же цвета стояли так близко один к другому, что едва можно было протиснуться между ними. Друзья уселись; справа и слева от них тянулся длинный, прилегающий с обоих концов к сцене, закругленный ряд таких же клеток с сидящими в них людьми, у которых видна была только голова и грудь.

На сцене трое юношей в трико, высокий, среднего роста и еще поменьше, по очереди делали упражнения на трапеции.

Сначала быстрыми и мелкими шагами вышел вперед высокий, улыбаясь и посылая публике воздушные поцелуи.

Под трико вырисовывались мускулы его рук и ног; он выпячивал грудь, чтобы скрыть свой довольно объемистый живот; лицо его было похоже на лицо парикмахера – тщательный пробор разделял волосы на две равные части как раз посередине головы. Он вскакивал на трапецию грациозным прыжком и, повиснув на руках, вертелся колесом или же на вытянутых руках и выпрямив тело повисал горизонтально в воздухе, держась на шесте исключительно силою кистей рук.

Затем он опускался на землю, снова с улыбкой раскланивался под аплодисменты партера и отходил к кулисам, при каждом шаге показывая мускулатуру своих ног.

Второй, не такой высокий и более коренастый, выходил в свою очередь и проделывал те же упражнения, которые повторял и третий, при все возрастающем одобрении зрителей.

Но Дюруа нисколько не занимало это зрелище, и, повернув голову, он все время разглядывал прогуливающих в променуаре мужчин и кокоток.

Форестье сказал ему:

– Обрати внимание на первые ряды: исключительно буржуа со своими женами и детьми – простак, которые приходят посмотреть на представление. В ложах – завсегдатаи бульваров, кое-кто из артистического мира, несколько второсортных кокоток; позади нас – самая забавная смесь, какую только можно найти в Париже. Кто эти мужчины? Посмотри на них. Тут есть все,

что хочешь, все профессии и все сословия, но преобладает мелкая сошка. Вот служащие банков, магазинов, министерств; репортеры, сутенеры, офицеры в штатском, щеголи во фраках, пообедавшие в кабачке, уже побывавшие в Опере и направляющиеся на Итальянский бульвар, и еще целая куча подозрительных личностей, не поддающихся анализу. Что касается женщин, все они, как одна, – это проститутки, которые ужинают в «Америке», отдаются за один или два луидора, выискивают иностранцев, платящих пять, и оповещают своих постоянных клиентов, когда они бывают свободны. За шесть лет можно всех их изучить; встречаешь их каждый вечер, круглый год, в одних и тех же местах, за исключением того времени, когда они находятся на излечении в Сен-Лазаре² или Лурсине³.

Дюруа не слушал. Одна из таких женщин смотрела на него, прислонившись к их ложе. Это была полная брюнетка, набеленная, с черными подведенными глазами и огромными нарисованными бровями. Чрезмерно пышный бюст натягивал темный шелк ее платья; накрашенные губы, красные, словно рана, придавали ее лицу что-то животное, жгучее, грубое, но заживавшее желание.

Она подозвала кивком головы одну из проходивших мимо нее подруг, рыжеватую блондинку, тоже полную, и сказала ей умышленно громко, чтобы можно было расслышать:

– Посмотри-ка, вот красивый малый. Если он захочет меня за десять золотых, я не откажусь.

Форестье повернулся к Дюруа и, улыбнувшись, хлопнул его по колену:

– Это на твой счет; ты имеешь успех, мой милый. Поздравляю.

Бывший унтер-офицер покраснел и машинальным движением пальцев потрогал золотые монеты в кармане своего жилета.

Занавес опустился, оркестр заиграл вальс.

Дюруа сказал:

– Не пройгись ли нам по кулуару?

– Как хочешь.

Они вышли и тотчас были подхвачены волной гуляющих. Их толкали, теснили, жали со всех сторон; они шли, видя перед собой целый лес шляп. А женщины попарно двигались в этой толпе мужчин, с ловкостью рассекая ее, скользя между локтями, спинами, плечами, чувствуя себя хорошо в своей стихии, как рыбы в воде, среди этого потока самцов.

Дюруа, восхищенный, шел по течению, в опьянении вдыхая воздух, отравленный табачным дымом, запахом человеческих тел и духами кокоток. Но Форестье потел, задыхался, кашлял.

– Выйдем в сад, – сказал он.

И, повернув налево, они вошли в какое-то подобие крытого сада, который освежали два безвкусно отделанных фонтана. Под тисами и туями, стоявшими в кадках, мужчины и женщины пили, расположившись за цинковыми столиками.

– Еще бокал? – предложил Форестье.

– С удовольствием.

Они сели и стали рассматривать проходящих. Время от времени к ним подходила какая-нибудь женщина и спрашивала с шаблонной улыбкой: «Не угостите ли чем-нибудь, сударь?» – и после ответа Форестье: «Стаканом воды из фонтана», – отходила, ворча: «Свинья!»

Полная брюнетка, та самая, которая стояла прислонившись к их же ложе, появилась снова, надменно выступая под руку с полной блондинкой. Они составляли вдвоем отличную пару, прекрасно подобранную.

² Сен-Лазар – женская тюрьма в Париже.

³ Лурсин – больница в Париже.

Заметив Дюруа, она ему улыбнулась так, словно их взгляды уже успели сообщить друг другу какую-то тайну; взяв стул, она преспокойно уселась против него и, усадив свою подругу, заказала звонким голосом:

– Гарсон, два гренадина!

Форестье сказал с удивлением:

– Ты, кажется, не стесняешься?

Она ответила:

– Это твой друг меня привлекает. Право, красивый малый. Мне кажется, он способен заставить меня надеть глупостей!

Дюруа, смущенный, не нашелся что сказать. Он крутил свои вьющиеся усы и глупо улыбался. Гарсон принес воду с сиропом, которую женщины выпили залпом; потом они поднялись; брюнетка, дружески кивнув головой и слегка ударив Дюруа веером по плечу, бросила:

– Спасибо, котик. Ты не очень-то балуешь разговором.

И они ушли, раскачивая бедрами.

Форестье рассмеялся:

– Однако, дружище, ты в самом деле имеешь успех у женщин. Этим не следует пренебрегать. С этим можно пойти далеко.

Он помолчал с минуту, потом добавил тоном человека, думающего вслух:

– С их помощью легче всего сделать карьеру.

Так как Дюруа не отвечал, продолжая улыбаться, он спросил:

– Ты еще остаешься? Я ухожу, с меня хватит.

Дюруа пробормотал:

– Да, я побуду немного. Еще рано.

Форестье поднялся.

– Ну, так до свиданья, до завтра. Не забудь, улица Фонтен, семнадцать, в половине восьмого.

– Непременно. До завтра. Спасибо.

Они пожали друг другу руки, и журналист ушел. Как только он скрылся, Дюруа почувствовал себя свободно и снова с радостью нащупал золотые монеты в своем кармане. Потом, поднявшись, пошел, взглядом разыскивая кого-то в толпе.

Вскоре он увидел обеих женщин, блондинку и брюнетку, прогуливающих с видом нищих королей в толпе мужчин. Он пошел прямо им навстречу, но, когда подошел, снова растерялся.

Брюнетка сказала ему:

– Ну что, у тебя язык развязался?

Он пробормотал:

– Черт возьми! – не будучи в состоянии придумать ничего, кроме этих слов.

Они стояли все трое, затрудняя движение толпы, образуя вокруг себя водоворот.

Потом она внезапно спросила:

– Пойдешь со мной?

И он, трепеща от желания, ответил грубо:

– Да, но у меня всего только один луидор.

Она улыбнулась с равнодушным видом:

– Не беда. – И взяла его под руку, словно завладев своей добычей.

Когда они выходили, он подумал, что на оставшиеся двадцать франков ему нетрудно будет достать напрокат фрак для завтрашнего вечера.

II

– Здесь живет господин Форестье?

– Четвертый этаж, налево.

Привратник сказал это любезным тоном, в котором звучало уважение к жильцу. И Жорж Дюруа стал подниматься по лестнице.

Он чувствовал себя немного смущенным, не в своей тарелке. Впервые в жизни он надел фрак и теперь волновался по поводу остальных частей своего туалета. Он чувствовал погрешности во всем, начиная с ботинок, нелакированных, хотя и довольно изящного покроя (он всегда особенно тщательно следил за своей обувью), и кончая рубашкой, купленной сегодня в Лувре за четыре с половиной франка; ее слишком тонкая манишка уже немного смялась. Другие его рубашки, которые он носил ежедневно, были все порядочно истрепаны, и даже наиболее крепкую из них он не решился надеть сегодня.

Слишком широкие брюки плохо обрисовывали ногу, заворачиваясь вокруг икр, и имели тот поношенный вид, какой всегда имеет одежда, купленная по случаю, на фигуре, которую она случайно облекает. И только фрак сидел недурно, так как в магазине нашелся один, почти подходивший по размеру.

Он медленно поднимался по ступеням, с бьющимся сердцем и тоской в душе, мучимый больше всего боязнью показаться смешным; и вдруг он увидел перед собой элегантного господина, смотревшего на него. Они очутились так близко друг к другу, что Дюруа невольно отступил и вдруг замер в изумлении: это был он сам в отражении высокого трюмо, стоявшего на площадке второго этажа и создававшего иллюзию длинной галереи. Он весь затрепетал от радости, найдя себя несравненно лучше, чем он ожидал.

Дома у него было только зеркальце для бритья, в котором нельзя было видеть себя во весь рост, и так как он с трудом мог рассмотреть в него лишь отдельные части своего наспех сооруженного туалета, то преувеличил его недостатки и пугался мысли, что может показаться смешным.

Теперь же, неожиданно увидев себя в большом зеркале, он даже не узнал себя, принял себя за другого, за человека из общества, которого он, при первом взгляде, нашел очень представительным, очень шикарным.

И, внимательно себя рассмотрев, он решил, что, право же, у него вполне приличный вид.

Тогда он начал изучать себя, как это делают актеры, разучивая роль. Он улыбнулся, протянул руку, сделал несколько движений, попытался выразить чувства удивления, радости, одобрения, испробовал разные оттенки улыбок и взглядов, при помощи которых можно показаться дамам любезным, дать им понять, что восхищаешься ими, желаешь их.

Дверь на лестницу отворилась. Боясь, что его могут поймать врасплох, он стал быстро подниматься вверх, встревоженный мыслью, не видел ли кто-нибудь из приглашенных к его другу, как он кокетничал перед зеркалом.

Добравшись до третьего этажа, он снова увидел зеркало и замедлил шаги, чтобы осмотреть себя на ходу. Фигуру свою он нашел в самом деле очень изящной. Походка превосходная. И безграничная уверенность в себе наполнила его душу. Конечно, он далеко пойдет с такой наружностью и жаждою успеха, с твердостью и независимостью характера, которые он в себе знал. Ему захотелось побежать, перепрыгнуть через ступени последнего этажа. Он остановился у третьего зеркала, закрутил усы привычным движением, снял шляпу, чтобы поправить волосы, и пробормотал вполголоса, как он это часто делал, обращаясь к самому себе: «Вот превосходная мысль». Затем протянул руку к звонку и позвонил.

Дверь почти сразу же отворилась, и он оказался перед важным бритым лакеем в черном фраке с такими безукоризненными манерами, что Дюруа снова почувствовал себя охваченным

смутным беспокойством, быть может, от бессознательного сравнения покроя своего фрака и фрака лакея. Принимая от Дюруа пальто, которое тот держал на руке, стараясь скрыть пятна, лакей, у которого были на ногах лакированные ботинки, спросил:

– Как прикажете доложить?

Приподняв портьеру гостиной, куда надо было войти, он произнес его имя.

Но Дюруа, вдруг потерявший весь свой апломб, почувствовал, что от робости он лишился способности двигаться, что у него захватило дыхание. Ему предстояло сделать первый шаг навстречу этой новой жизни, о которой он так мечтал, которой так ждал. Все же он решился войти. Перед ним стояла молодая белокурая женщина, ожидавшая его одна в большой, ярко освещенной комнате, заставленной, словно оранжерея, растениями.

Он остановился в полном замешательстве – кто эта дама, которая улыбается ему? Потом вспомнил, что Форестье женат; и мысль, что эта изящная блондинка – жена его друга, окончательно его смутила.

Он пробормотал:

– Сударыня, я...

Она протянула ему руку:

– Я знаю, сударь. Шарль рассказал мне о вашей вчерашней встрече, и я очень рада, что ему пришла счастливая мысль пригласить вас пообедать сегодня с нами.

Он покраснел до ушей, не зная, что сказать, и чувствуя, что его осматривают с ног до головы, оценивают, изучают.

Ему хотелось извиниться, выдумать причину, объясняющую погрешности его костюма; но он ничего не смог придумать и не решился затронуть эту щекотливую тему.

Он сел в указанное ему кресло, и, когда почувствовал мягкую упругость его бархата, приятное, ласкающее прикосновение его обитых ручек и спинки, которые так любовно приняли его в свои объятия, ему показалось, что он уже вступил в новую, пленительную жизнь, что он становится чем-то, что он уже спасен; и он посмотрел на госпожу Форестье, продолжавшую следить за ним взглядом.

На ней было платье из бледно-голубого кашемира, замечательно обрисовывавшее ее стройную талию и полную грудь.

Голые руки и шея выступали из пены белых кружев, которыми был отделан корсаж и короткие рукава; волосы, собранные в высокую прическу, слегка вились на затылке, образуя светлое пушистое облако над шеей.

Ее взгляд, чем-то напоминавший Дюруа взгляд женщины, встреченной им накануне в «Фоли-Берже», несколько успокоил его. У нее были серые глаза с голубоватым отливом, который придавал им какое-то особенное выражение, тонкий нос, полные губы, немного мясистый подбородок – неправильное, но очаровательное лицо, привлекательное и лукавое. Это было одно из тех женских лиц, каждая черта которого имеет свою прелесть и кажется полной значения, каждое движение которого как будто и говорит и скрывает что-то.

После короткого молчания она спросила:

– Вы давно уже в Париже?

Постепенно овладевая собой, он ответил:

– Всего несколько месяцев, сударыня. Я служу на железной дороге, но Форестье дал мне надежду, что я смогу через его посредство заняться журналистикой.

Она улыбнулась более открыто, более приветливо и, понизив голос, сказала:

– Я знаю.

Снова раздался звонок. Лакей доложил:

– Госпожа де Марель.

Это была маленькая смуглая женщина, ярко выраженный тип брюнетки.

Она вошла быстрой походкой; фигуру ее сверху донизу плотно облегалo темное, очень простое платье. Только красная роза, приколотая к черным волосам, невольно бросалась в глаза и подчеркивала своеобразный характер ее лица, придавая ей задорный и пикантный вид. За нею шла девочка в коротком платье.

Госпожа Форестье бросилась им навстречу.

– Здравствуй, Клотильда.

– Здравствуй, Мадлена.

Они поцеловались. Затем девочка с непринужденностью взрослой подставила свой лобик для поцелуя и сказала:

– Здравствуй, кузина.

Госпожа Форестье поцеловала ее, потом познакомила гостей:

– Господин Жорж Дюруа, близкий друг Шарля. Госпожа де Марель, моя приятельница и дальняя родственница. – И добавила: – Знаете, у нас здесь все очень просто, без церемоний. Вы не будете возражать, не правда ли?

Молодой человек поклонился.

Дверь снова отворилась, и вошел толстый, маленький, круглый человечек под руку с высокой красивой дамой, которая была гораздо выше его ростом, значительно моложе и держалась изящно и с достоинством. Это были господин Вальтер, депутат, финансист, богач, делец, еврей-южанин, издатель «Ви Франсез», и его жена, урожденная Базиль-Равало, дочь банкира.

Затем появились один за другим: Жак Риваль, очень элегантный, и Норбер де Варенн, у которого лоснился ворот фрака от прикосновения падавших до плеч длинных волос, с которых сыпалась перхоть.

Его плохо завязанный галстук имел далеко не свежий вид. С ужимками стареющего красавца он подошел к госпоже Форестье и запечатлел поцелуй на ее запястье. Когда он наклонился, его длинные волосы, точно волной, покрыли обнаженную руку молодой женщины.

Наконец явился сам Форестье, извинившийся за опоздание. Его задержало в редакции дело Мореля. Морель, депутат-радикал, только что сделал запрос в министерство по поводу требования кредитов на колонизацию Алжира.

Слуга доложил:

– Кушать подано!

И все перешли в столовую.

За столом Дюруа оказался между госпожой де Марель и ее дочерью. Он снова почувствовал смущение, боясь сделать какой-нибудь промах в обращении с вилокoй, ложкой или бокалами. Последних было четыре, и один из них был голубоватого цвета. Для какого напитка предназначался он?

За супом все молчали, затем Норбер де Варенн спросил:

– Читали вы о процессе Готье? Что за потеха!

Стали обсуждать этот случай, где адюльтер осложнялся шантажом. Здесь говорили о нем совсем не так, как говорят в семейных домах о событиях, известных по газетам, а так, как говорят между собой врачи о болезни, зеленчики об овощах. Никто не возмущался, никто не удивлялся; с профессиональным любопытством и с полным равнодушием к самому преступлению собеседники пытались найти глубокие, тайные причины его. Старались точно объяснить каждый отдельный поступок, определить все интеллектуальные факторы, породившие драму, которая являлась для них результатом известного душевного состояния, поддающегося учету науки. Дамы тоже увлеклись этим анализом, этой работой. Затем занялись другими злободневными событиями, комментируя их, рассматривая со всех сторон, взвешивая и оценивая с особой практической точки зрения специалистов, спекулирующих на новостях, разменивающих человеческую комедию на строчки, подобно тому как торговцы осматривают и оценивают товар, который они затем предложат покупателям.

Потом заговорили об одной дуэли, и разговором овладел Жак Риваль. Это была его область, никто другой не смел касаться этого предмета.

Дюруа не решался вставить слово. Время от времени он посматривал на свою соседку, округлая грудь которой соблазняла его. С кончика ее уха свисал бриллиант на золотой нитке, похожий на каплю воды, скатывающуюся с тела. Иногда эта дама делала какое-нибудь замечание, неизменно вызывавшее общую улыбку. У нее было забавное, милое, неожиданное остроумие – остроумие опытной школьницы, которая смотрит на вещи беззаботно и судит о них с легкомысленным, незлобивым скептицизмом.

Дюруа тщетно старался придумать для нее какой-нибудь комплимент и, ничего не найдя, занялся дочерью, наливал ей вино, передавал кушанья, услуживал. Девочка, более сдержанная, чем мать, благодарила серьезным тоном, короткими кивками: «Вы очень любезны, сударь», – и внимательно, с сосредоточенным видом слушала разговор взрослых.

Обед был превосходный, и все отдали ему должное. Вальтер ел точно людоед и почти все время молчал, рассматривая косым взглядом из-под очков блюда, которые ему подносили. Норбер де Варенн не уступал ему, время от времени роняя капли соуса на свою манишку.

Форестье, улыбающийся, но серьезный, наблюдал за всем происходящим и обменивался с женой многозначительными взглядами, словно с сообщником, выполняющим совместно с ним трудное, но успешно продвигающееся дело.

Лица гостей раскраснелись, голоса стали громче. Время от времени лакей шептал каждому из обедающих на ухо:

– Кортон? Шато-лароз?

Дюруа кортон пришелся по вкусу, и он каждый раз подставлял свой бокал. Им овладела восхитительная веселость; какая-то горячая веселая волна поднялась от желудка к голове, разлилась по всему телу, проникла во все его существо. Он пришел в состояние полного довольства – довольства души и тела.

Ему захотелось говорить, обратить на себя внимание, быть выслушанным, признанным, подобно этим людям, малейшее замечание которых все так ценили.

Разговор, который лился непрерывно, затрагивая всевозможные темы, перебрасываясь с предмета на предмет, цепляясь за малейший повод, после обзора всех злободневных событий и попутно тысячи других вещей вернулся к важному вопросу Мореля относительно колонизации Алжира.

В перерыве между двумя блюдами Вальтер, склонный к скептическому цинизму, отпустил на этот счет несколько шуток. Форестье рассказал содержание своей завтрашней статьи. Жак Риваль требовал военного правительства, которое каждому офицеру, прослужившему тридцать лет в колониях, давало бы участок земли.

– Таким образом, – говорил он, – вы создадите деятельное общество, которое с течением времени изучит и полюбит эту страну, ознакомится с ее языком и со всеми главными местными условиями, являющимися обычно камнем преткновения для всех вновь прибывающих.

Норбер де Варенн прервал его:

– Да... они будут знать все, кроме земледелия. Они будут говорить по-арабски, но не будут уметь пересаживать свеклу или сеять хлеб. Они будут очень сильны в искусстве фехтования, но очень слабы по части удобрения полей. Наоборот, следовало бы широко открыть доступ в эту новую страну всем желающим. Люди способные найдут там себе место, остальные погибнут. Таков социальный закон.

Последовало короткое молчание. Все улыбались.

Жорж Дюруа раскрыл рот и произнес, удивляясь звуку собственного голоса, точно он никогда раньше его не слышал:

– Хорошей земли – вот чего там недостает. Плодородные участки стоят там столько же, сколько во Франции, и раскупаются богатыми парижанами, считающими выгодным поме-

щать в них капитал. Настоящие же колонисты, которых выгнал с родины голод, оттесняются в пустыню, где ничего не произрастает из-за отсутствия воды.

Все взгляды устремились на него. Он почувствовал, что краснеет. Вальтер спросил его:

– Вы знаете Алжир?

Он ответил:

– Да, я провел там двадцать восемь месяцев и побывал в трех провинциях.

Внезапно, позабыв о деле Мореля, Норбер де Варенн стал расспрашивать его о нравах этой страны, известных ему по рассказам одного офицера. В частности, его интересовал Мзаб⁴ – странная маленькая арабская республика, зародившаяся посреди Сахары, в самой иссушенной части этой знойной пустыни.

Дюруа, который дважды побывал в Мзабе, описал нравы этой своеобразной страны, где капля воды ценится на вес золота, где каждый житель должен выполнять всякого рода общественных работы, где честность в коммерческих делах стоит гораздо выше, чем у цивилизованных народов.

Возбужденный вином и желанием понравиться, он говорил с каким-то хвастливым увлечением, рассказывал полковые анекдоты, военные приключения, описывал подробности арабской жизни. Он нашел даже несколько красочных выражений для описания этих обнаженных, желтых земель, выжженных всепожирающим пламенем солнца.

Все женщины не отрывали от него глаз. Госпожа Вальтер медленно проговорила:

– Вы могли бы сделать из ваших воспоминаний ряд прелестных статей.

После этого Вальтер взглянул на молодого человека поверх очков, как он делал всегда, когда хотел хорошенько рассмотреть чье-нибудь лицо. На тарелки он смотрел из-под очков.

Форестье воспользовался моментом:

– Дорогой патрон, я уже говорил вам сегодня о господине Жорже Дюруа и просил назначить его моим помощником для добывания политической информации. С тех пор как Марамбо ушел от нас, у меня нет никого, кто бы собирал срочные и секретные сведения, и газета от этого страдает.

Вальтер стал серьезен и совсем приподнял очки, чтобы посмотреть Дюруа прямо в лицо. Потом сказал:

– Несомненно, что господин Дюруа обладает оригинальным умом. Если ему угодно будет зайти завтра в три часа поболтать со мной, мы это устроим.

Затем, немного помолчав, он обратился уже прямо к молодому человеку:

– Но дайте нам теперь же небольшую серию заметок об Алжире. Сообщите свои воспоминания и коснитесь вопроса колонизации, как вы это сделали сейчас. Это своевременно, вполне своевременно, и, я уверен, это очень понравится нашим читателям. Только поторопитесь. Первая статья мне нужна завтра или послезавтра, чтобы заинтересовать публику, пока в палате идут прения.

Госпожа Вальтер прибавила с милой серьезностью, придававшей всем ее словам легкий покровительственный оттенок:

– И вот вам прелестное заглавие: «Воспоминания африканского стрелка» – не правда ли, господин Норбер?

Старый поэт, поздно добившийся известности, ненавидел и побаивался новичков. Он ответил сухим тоном:

– Да, это превосходно, но при условии, что все дальнейшее будет в соответствующем стиле, а это самое трудное. Верный стиль – это все равно как в музыке верный тон.

Госпожа Форестье смотрела на Дюруа ласковым и ободряющим взглядом – взглядом знающего, который, казалось, говорил: «О, ты пойдешь далеко». Госпожа де Марель несколько раз

⁴ ...его интересовал Мзаб... – об этой любопытной «арабской республике» см. подробнее в сборнике «Под солнцем».

оборачивалась к нему, и бриллиант в ее ухе беспрестанно дрожал; казалось, прозрачная капля сейчас оторвется и упадет.

Девочка сидела неподвижно и серьезно, склонив голову над тарелкой.

Лакей снова обошел вокруг стола, наливая в голубые бокалы йоханнесбергер, и Форестье, поклонившись Вальтеру, предложил тост за процветание «Ви Франсез».

Все присутствующие приветствовали патрона, который улыбался, и Дюруа, опьяненный успехом, осушил свой бокал залпом: ему казалось, что он выпил бы так же целую бочку, проглотил бы быка, задушил бы льва. Он ощущал в себе нечеловеческую силу, непреклонную решимость и безграничные надежды. Теперь он был своим человеком в среде этих людей, он завоевал положение, занял свое место. Взгляд его останавливался на лицах с большей уверенностью, и он осмелился наконец обратиться к своей соседке:

– Сударыня, у вас самые красивые серьги, какие я когда-либо видел.

Она обернулась к нему с улыбкой:

– Это моя выдумка – подвешивать бриллианты просто на нитке. Можно подумать, что это росинки, не правда ли?

Он пробормотал, смущенный своей смелостью, боясь сказать глупость:

– Это очаровательно... но ваше ушко еще больше украшает эту вещь.

Она поблагодарила его взглядом – одним из лучезарных женских взглядов, проникающих в самое сердце.

Повернув голову, он опять увидел устремленные на него глаза госпожи Форестье. Она смотрела все так же приветливо, но ему показалось, что сейчас ее взгляд выражает большую живость, лукавство, поощрение.

Теперь все мужчины говорили сразу, жестикулируя, повысив голос; обсуждался грандиозный проект подземной железной дороги. Тема была исчерпана только к концу десерта; у всякого нашлось что сказать относительно медленности способов сообщения в Париже, неудобства трамвая, невыносимости езды в omnibusах и грубости извозчиков.

Потом все встали из-за стола, чтобы идти пить кофе. Дюруа, шутки ради, предложил руку девочке; она важно поблагодарила его и привстала на цыпочки, чтобы просунуть руку под локоть своего кавалера.

Когда он вошел в гостиную, ему снова показалось, что он попал в оранжерею. Высокие пальмы стояли во всех четырех углах комнаты, раскинув свои изящные листья, которые поднимались до потолка и там рассыпались каскадами. По бокам камина круглые, колоннообразные стволы каучуковых деревьев громоздили друг на друга свои продолговатые темно-зеленые листья, а на фортепьяно два неизвестных растения, круглых, покрытых цветами, – одно розовое, другое белое – производили впечатление искусственных, неправдоподобных, слишком прекрасных, чтобы быть живыми.

Воздух был свеж и напоен благоуханием, неуловимым, неведомым и нежным.

Теперь, когда Дюруа уже более владел собой, он принялся внимательно рассматривать комнату. Она была невелика; кроме растений, ничто не поражало в ней; ничего не было яркого или кричащего, но в ней чувствовался комфорт, уют; она ласкала глаз, нежила, располагала к отдыху.

Стены были обтянуты старинной бледно-лиловой материей, усеянной желтыми шелковыми цветочками величиной с муху.

На дверях висели портьеры из серо-голубого солдатского сукна, на котором красным шелком было вышито несколько гвоздик. Кресла и стулья всевозможной формы и величины, огромные и крошечные, кушетки, пуфы, скамеечки, разбросанные по комнате, – все было обито шелковой материей в стиле Людовика XVI и прекрасным плюшем красноватого тона с гранатовым узором.

– Хотите кофе, господин Дюруа?

С приветливой улыбкой, не сходявшей с ее уст, госпожа Форестье протянула ему налитую чашку.

– Да, сударыня, благодарю вас.

Дюруа взял чашку, и, пока он со страхом наклонялся над сахарницей, которую подавала ему девочка, и доставал серебряными щипчиками кусок сахара, молодая женщина сказала ему вполголоса:

– Поухаживайте за госпожой Вальтер. – И отошла, прежде чем он успел что-либо ответить.

Сначала он выпил кофе, все время опасаясь, как бы не уронить чашку на ковер; затем с облегченным сердцем стал искать случая подойти к жене своего нового начальника и завязать с нею разговор.

Вдруг он заметил, что она держит в руках пустую чашку: возле нее не было столика, и она не знала, куда ее поставить. Дюруа подскочил к ней:

– Позвольте, сударыня.

– Благодарю вас.

Он отнес чашку, потом вернулся.

– Если бы вы знали, сударыня, сколько хороших минут доставила мне «Ви Франсез» во время моего пребывания там, в пустыне. Положительно, это единственная газета, которую можно читать вне Франции, потому что она самая литературная, самая остроумная, самая занимательная из всех. В ней можно найти все.

Она улыбнулась с равнодушной учтивостью и серьезно заметила:

– Господину Вальтеру стоило немалых трудов создать тип газеты, отвечающей современным требованиям.

И они принялись беседовать. Он обладал умением поддерживать непринужденный и банальный разговор; голос у него был приятный, во взгляде много очарования, а перед обворожительностью усов невозможно было устоять. Они вились над верхней губой, пышные, красивые, белокурые, с золотистым оттенком, немного светлее на концах.

Они говорили о Париже, о его окрестностях, о берегах Сены, о курортах, о летних развлечениях – о всех тех вещах, о которых можно болтать без конца не утомляясь.

Затем, когда подошел Норбер де Варенн с рюмкой ликера в руке, Дюруа скромно удалился.

Госпожа де Марель, только что беседовавшая с госпожой Форестье, подозвала его.

– Итак, сударь, – спросила она его в упор, – вы хотите испытать свои силы в журналистике?

Он заговорил о своих намерениях, потом начал с нею тот же разговор, что и с госпожой Вальтер; но теперь он уже лучше владел темой и блеснул своими познаниями, выдавая за свои те слова, которые он только что слышал. При этом он не отрываясь смотрел собеседнице в глаза, как бы придавая особенно глубокий смысл своим словам.

Она рассказала ему в свою очередь несколько анекдотов с непринужденной живостью женщины, уверенной в своей остроумии и желающей всегда казаться веселой и занимательной; она начала вести себя с ним более непринужденно, клала руку на его рукав, понижала голос, рассказывая какой-нибудь пустячок, приобретающий благодаря этому оттенок интимности. Дюруа был весь охвачен внутренним волнением от близости молодой женщины, оказывавшей ему такое внимание. Ему хотелось тотчас доказать ей чем-нибудь свою преданность, защитить ее, показать, на что он способен; и долгие паузы, предшествовавшие его ответам, выдавали его напряженное душевное состояние.

Вдруг, без всякого повода, госпожа де Марель позвала: «Лорина!» – и девочка подошла к ней.

– Сядь сюда, детка, ты простудишься у окна.

Дюруа вдруг охватило безумное желание поцеловать девочку, как будто от этого поцелуя что-то должно было передаться матери.

Он ласково спросил ее отеческим тоном:

– Можно вас поцеловать, мадемуазель?

Девочка удивленно посмотрела на него. Госпожа де Марель сказала, смеясь:

– Отвечай: «Я вам разрешаю это, сударь, сегодня, но в другой раз этого не должно быть».

Дюруа тотчас сел, взял Лорину на колени и прикоснулся губами к ее волнистым тонким волосам.

Мать удивилась:

– Смотрите, она не убежала; это удивительно. Обычно она позволяет себя целовать только женщинам. Вы неотразимы, господин Дюруа.

Он покраснел и, ничего не ответив, стал покачивать девочку на одном колене.

Госпожа Форестье подошла и воскликнула с удивлением:

– Посмотрите, Лорину приручили. Вот чудо!

Жак Риваль, с сигарой во рту, тоже направился к ним, и Дюруа поднялся, чтобы проститься: он боялся каким-нибудь неловким словом испортить сделанное им дело – начало своих побед.

Он раскланялся, нежно пожал ручки всем дамам, затем сильно потряс руки мужчинам. При этом он заметил, что рука Жака Риваля была сухая, горячая и дружески ответила на его пожатие; рука Норбера де Варенна, влажная, холодная, еле коснулась пальцев; рука Вальтера была холодная и мягкая, без всякой выразительности, вялая; рука Форестье – жирная и теплая. Последний сказал ему вполголоса:

– Завтра в три часа, не забудь.

– О, не беспокойся, не забуду!

Когда он очутился на лестнице, ему захотелось спуститься по ней бегом – так сильна была его радость, – и он стал прыгать через две ступеньки; но вдруг в большом зеркале третьего этажа он увидел какого-то господина, торопливо и вприпрыжку бегущего к нему навстречу, и сразу остановился, устыдившись, точно уличенный в какой-то провинности.

Потом он долго смотрел на себя в зеркало, восхищаясь тем, что он в самом деле такой красивый молодой человек; потом самодовольно улыбнулся себе; потом, прощаясь со своим отражением, отвесил ему низкий и почтительный поклон, точно значительной особе.

III

Выйдя на улицу, Жорж Дюруа начал думать, что бы такое ему предпринять. Ему хотелось мечтать, идти вперед, думая о будущем, вдыхая нежный ночной воздух, но мысль о ряде статей, заказанных ему Вальтером, преследовала его, и он решил сейчас же идти домой и приняться за работу.

Он повернул, ускорил шаги, вышел на внешний бульвар и прошел до улицы Бурсо, на которой находилась его квартира. Семиэтажный дом, где он жил, был населен двумя десятками семей скромных рабочих и буржуа. Поднимаясь по лестнице и освещая восковыми свечками грязные ступени, на которых валялись клочки бумаги, окурки, кухонные отбросы, он почувствовал отвращение и непреодолимое желание поскорее уйти отсюда и поселиться, подобно богатым людям, в чистом жилище, убранном коврами. Тяжелый запах еды, отхожих мест и человеческих отбросов, застоявшийся запах помоев и обветшавших стен заполнял этот дом снизу доверху, и никаким проветриванием его нельзя было оттуда изгнать.

Из окна комнаты молодого человека, находившейся на шестом этаже, виднелся возле Батиньольского вокзала, как раз над выходом из тоннеля, словно глубокая пропасть, огромный пролет полотна Западной железной дороги. Дюруа открыл окно и облокотился на ржавый железный подоконник.

Под ним, в глубине темной дыры, три неподвижных красных сигнальных огня казались огромными глазами какого-то зверя; за ними виднелись еще огни и дальше еще и еще – без конца.

Ежеминутно в тишине ночи раздавались свистки, то короткие, то протяжные, одни близкие, другие далекие, едва уловимые, идущие оттуда, со стороны Аньера. Звук их менялся, точно звуки человеческого голоса. Один из свистков приближался, испуская непрерывно жалобный крик, становившийся громче с каждой секундой, и вскоре показался большой желтый фонарь, который с грохотом несся вперед; Дюруа увидел, как длинная цепь вагонов исчезла в пасти тоннеля.

Потом он сказал себе: «Ну, за работу!» Поставив лампу на стол, он хотел уже сесть писать, как вдруг обнаружил, что у него есть только почтовая бумага.

Делать нечего, он использует ее, развернув лист во всю ширину. Он обмакнул перо в чернила и лучшим своим почерком вывел заголовок: «Воспоминания африканского стрелка».

Потом задумался над началом первой фразы.

Он сидел, опершись головой на руку, устремив взгляд на белый лист бумаги, лежавший перед ним.

О чем писать? Сейчас он ничего не мог вспомнить из того, что только что рассказывал, – ни одного факта, ни одного случая, ничего. Вдруг ему пришла мысль: «Надо начать с отъезда». И он написал: «Это было в 1874 году, около 15 мая, когда истощенная Франция отдыхала после потрясений ужасного года...»

Тут он остановился, не зная, как изобразить свое отплытие, переезд, первые впечатления.

После десятиминутного размышления он решил отложить на завтра начало и приняться сейчас за описание Алжира.

И он написал на своем листе бумаги: «Алжир – это город, весь белый...» – не умея сказать ничего другого. Перед его глазами снова встал красивый, светлый город с плоскими домиками, каскадом сбегаящими с вершины горы к морю, но он не находил ни одного слова, чтобы передать то, что видел, что пережил.

После долгих усилий он прибавил: «Часть его населена арабами...» Потом бросил перо на стол и встал.

На маленькой железной кровати, на которой от тяжести его тела образовалась впадина, валялось в беспорядке его старое будничное платье; оно казалось каким-то пустым, усталым, дряблым, отвратительным, словно старые отрепья из морга. А шелковый опрокинутый цилиндр, лежавший на соломенном стуле, единственный его цилиндр, казалось, просил подаяния.

На стенах комнаты, оклеенной серыми обоями с голубыми букетами, было столько же пятен, сколько цветов, – старых подозрительных пятен, происхождение которых не поддавалось определению: раздавленные насекомые или капли масла, следы пальцев, жирных от помады, или брызги мыльной пены. На всем лежала печать униженной нищеты – нищеты меблированных комнат Парижа. И возмущение против собственной бедности охватило Дюруа. Он решил, что надо уйти отсюда сейчас же, что завтра же надо покончить с этим жалким существованием.

Внезапно вновь охваченный усердием к работе, он снова сел за стол и снова стал искать слова, чтобы правильно передать своеобразное очарование Алжира, этого преддверия таинственных глубин Африки – Африки кочевых арабов и неизвестных негритянских племен, Африки неисследованной и манящей, той Африки, откуда привозят неправдоподобных сказочных животных, которых нам показывают иногда в общественных садах: страусов, напоминающих каких-то странных кур; газелей, божественно грациозных коз; удивительных и уродливых жирафов; важных верблюдов; чудовищных гиппопотамов; безобразных носорогов и горилл, этих страшных братьев человека.

Он смутно чувствовал, как в нем возникают мысли; он мог бы, пожалуй, рассказать их, но ему не удавалось выразить их на бумаге. Раздраженный сознанием своего бессилия, он снова встал; руки его были влажны от пота, кровь стучала в висках.

Когда он заметил счет от прачки, принесенный в тот же вечер привратником, его сразу охватило полное отчаяние. Радость, вера в себя и будущее покинули его. Кончено, все кончено, он ничего не сделает, из него ничего не выйдет; он чувствовал себя ничтожным, не способным ни к чему, лишним, обреченным.

Он снова подошел к окну как раз в тот момент, когда из тоннеля со стремительным и яростным шумом выходил поезд. Через поля и равнины он шел туда, к морю. И воспоминание о родителях проснулось в сердце Дюруа.

Этот поезд пройдет мимо них, всего в нескольких милях от их дома. Перед ним встал маленький домик на вершине холма, возвышающегося над Руаном и над долиной Сены, при въезде в деревню Кантеле. Его родители держали небольшой ресторанчик, загородный кабачок, называвшийся «Бельвю», куда жители городского предместья приходили закусывать по воскресеньям.

Своего сына они хотели вывести в люди и отдали его в коллеж. Окончив его и не выдержав экзамена на степень бакалавра, он поступил на военную службу с намерением стать офицером, полковником, генералом. Но еще задолго до окончания пятилетнего срока он почувствовал к военной службе отвращение и начал мечтать о карьере в Париже.

И, кончив службу, он приехал сюда, несмотря на мольбы отца и матери, которым хотелось, чтобы он жил возле них, раз уж другие их мечты не осуществились. Он верил в будущее, верил, что счастливый случай, пока еще неведомый, приведет его к успеху. Он сумеет создать благоприятные условия и воспользуется ими.

В бытность его в полку ему везло: у него было много легких побед, были даже связи с женщинами более высокого круга. Он соблазнил дочь сборщика податей, готовую все оставить ради него, и жену поверенного, которая пыталась даже утопиться от отчаяния, когда он ее бросил.

Товарищи говорили про него: «Хитрый малый, проныра, ловкач, он всегда выпутается». И он решил действительно стать хитрым малым, пронырой и ловкачом.

По натуре честный нормандец, он развратился под влиянием повседневной гарнизонной жизни – обычного в Африке мародерства, незаконных доходов и мошеннических проделок. С другой стороны, в нем оставили некоторый след и понятия о чести господствующие в армии военное бахвальство, патриотические чувства, рассказы о подвигах унтер-офицеров и профессиональное тщеславие этой среды. Словом, его душа превратилась в какой-то ящик с тройным дном, где можно было найти все что угодно.

Но жажда успеха преобладала над всем.

Незаметно для себя он замечтался, как бывало с ним каждый вечер. Он рисовал себе изумительное любовное приключение, которое сразу приведет его к осуществлению всех его надежд. Он встретится на улице с дочерью банкира или какого-нибудь знатного вельможи, покорит ее с первого взгляда и женится на ней.

Пронзительный свисток локомотива, выскочившего из тоннеля, как кролик из норы, и мчавшегося на всех парах в гараж на отдых, сразу отрезвил его.

И, снова охваченный смутной и радостной надеждой, никогда почти не покидавшей его, он наугад послал в темноту ночи поцелуй любви образу этой неведомой женщины, которую он так ждал, – пламенный поцелуй желанному богатству. Потом он закрыл окно и начал раздеваться, решив: «Ничего, завтра я буду лучше настроен. Сегодня у меня голова не работает. К тому же я, кажется, слишком много выпил. При таких условиях невозможно работать».

Он лег в постель, погасил лампу и почти сейчас же заснул.

Проснулся он рано, как всегда просыпаешься в дни больших надежд или тревог, и, спрыгнув с кровати, подбежал к окну и открыл его, чтобы проглотить, как он говорил, чашку свежего воздуха.

Дома на Римской улице, по ту сторону широкого полотна железной дороги, блестели в лучах восходящего солнца, залитые светом, и казались совсем белыми. Направо, вдали, виднелись холмы Аржантейля, высоты Сануа и мельницы Оржемона, окутанные легкой голубоватой мглой, похожей на прозрачную, трепещущую вуаль, наброшенную на горизонт.

Дюруа несколько минут неподвижно смотрел на далекие поля. Он прошептал: «Там, должно быть, чертовски хорошо в такой день, как сегодня». Но тут он вспомнил, что ему надо работать, и притом немедленно, позвал сына привратницы, дал ему десять су и послал его в канцелярию сказать, что он болен.

Он сел за стол, обмакнул перо в чернильницу, оперся головой на руку и задумался. Все было напрасно. Мысли не появлялись.

Он, однако, не унывал. Он подумал: «Ничего, я просто еще не привык писать. Это такое же ремесло, как и всякое другое, ему надо научиться. Кто-нибудь должен мне помочь на первых порах. Пойду к Форестье, он мне наладит статью в десять минут». Он оделся.

Выйдя на улицу, он решил, что к приятелю идти еще рано – Форестье, наверно, поздно встает, – и стал медленно прогуливаться под деревьями внешнего бульвара.

Не было еще десяти часов, когда он попал в парк Монсо, совсем свежий после утренней поливки.

Сев на скамейку, он снова начал мечтать. Какой-то элегантный молодой человек быстро ходил взад и вперед, без сомнения, ожидая женщину.

Она подошла торопливым шагом, закрытая вуалью, и после быстрого рукопожатия они удалились под руку.

Бурная жажда любви охватила Дюруа – жажда изящной, благоуханной, нежной любви.

Он встал и направился к Форестье, думая: «Вот кому повезло!»

Он подошел к его дверям как раз в ту минуту, когда Форестье выходил из дома.

– Ты! Так рано! Что тебе надо?

Дюруа, смущенный тем, что встретил его уже на улице, пробормотал:

– Дело в том... дело в том, что... я никак не могу справиться со своей статьей. Знаешь, со статьей об Алжире, которую заказал мне Вальтер. Это неудивительно, я ведь никогда не писал. Здесь тоже нужна практика, как и во всем остальном. Я скоро привыкну к этому, я в этом уверен. Но сейчас, для начала, я просто не знаю, как взяться за дело. Мысли у меня есть, мыслей много, но я не могу их выразить.

Он остановился в нерешительности.

Форестье лукаво улыбнулся:

– Мне это знакомо.

Дюруа продолжал:

– Да, я думаю, это должно случаться с каждым новичком. Ну и вот, я пришел... пришел попросить тебя помочь мне... Ты в десять минут научишь меня, покажешь, как взяться за дело. Ты мне дашь хороший урок стилистики. Без тебя мне не справиться.

Форестье продолжал весело улыбаться. Потом он хлопнул своего старого товарища по плечу и сказал:

– Ступай к моей жене, она тебе поможет не хуже меня. Я приучил ее к этому делу. У меня сегодняшнее утро занято, не то я сам бы охотно это сделал.

Охваченный внезапной робостью, Дюруа колебался, не решался.

– Но не могу же я явиться к ней в такой ранний час...

– Отлично можешь. Она уже встала. Ты найдешь ее у меня в кабинете, она приводит в порядок мои заметки.

Дюруа отказывался войти:

– Нет... это невозможно.

Форестье взял его за плечи, повернул и толкнул на лестницу.

– Да иди же, чудак, раз я тебе говорю, чтобы ты шел; не заставишь же ты меня подниматься снова на четвертый этаж, чтобы ввести тебя и объяснить твоё положение.

Дюруа решился:

– Спасибо, я иду. Я ей скажу, что ты меня заставил, буквально заставил зайти к ней.

– Да-да. Она не съест тебя, будь спокоен. Главное, не забудь: в три часа.

– Не бойся, не забуду.

Форестье ушел своей торопливой походкой, Дюруа же стал медленно подниматься по лестнице, ступенька за ступенькой, обдумывая, что сказать, и беспокоясь о том, хорошо ли его примут.

Слуга открыл ему. На нем был синий фартук, в руке он держал половую щетку.

– Господина Форестье нет дома, – сказал он, не дожидаясь вопроса.

Дюруа настойчиво попросил:

– Спросите у госпожи Форестье, может ли она меня принять, и скажите, что я пришел к ней по поручению ее мужа, которого я встретил на улице.

Затем он стал ждать. Человек вернулся, открыл дверь направо и доложил:

– Госпожа Форестье ждет вас.

Она сидела за письменным столом в небольшой комнате, стены которой были сплошь покрыты книгами, аккуратными рядами стоявшими на полках черного дерева. Переплеты всех цветов – красные, желтые, зеленые, лиловые, голубые – оживляли и украшали однообразные ряды книг.

На ней был белый, отделанный кружевами пеньюар. Улыбаясь своей обычной улыбкой, она обернулась и протянула ему руку, которая при этом движении обнажилась из-под широкого рукава.

– Так рано? – сказала она. И добавила: – Это не упрек, а простой вопрос.

Он пробормотал:

– Сударыня! Я не хотел подниматься, но ваш муж, которого я встретил на лестнице, заставил меня. Я так смущен, что не смею сказать, что меня привело к вам.

Она указала ему стул:

– Садитесь и расскажите, в чем дело.

Она держала в руке гусиное перо, все время вертя его в пальцах; перед нею лежал большой лист бумаги, наполовину исписанный; работа была прервана приходом молодого человека.

Видно было, что за этим рабочим столом она чувствует себя как дома, не менее свободно, чем у себя в гостиной, что это – ее привычное занятие. От ее пеньюара веяло легким ароматом, свежим ароматом только что совершенного туалета. И Дюруа представил себе ее молодое, чистое, полное и горячее тело, нежно окутанное мягкой тканью.

Она спросила:

– Ну, в чем же дело? Скажите.

Он нерешительно пробормотал:

– Видите ли... но, право... я не решаюсь... Вчера я работал до самой ночи... сегодня с раннего утра... но у меня ничего не выходит... я разорвал свои черновики... я не привык к этой работе; и вот я пришел просить Форестье помочь мне... на этот раз...

Она прервала его, от души смеясь, довольная, веселая и польщенная:

– Он прислал вас ко мне?.. Это мило...

– Да. Он сказал, что вы поможете мне лучше, чем он. Но я не решался, не хотел. Вы понимаете?

Она встала.

– Это будет очень милое сотрудничество. Я в восторге от вашей идеи. Вот что, сядьте на мое место – мой почерк известен в редакции. Мы сейчас напишем статью, великолепную статью.

Он сел; взяв перо, положил перед собой лист бумаги и стал ждать.

Госпожа Форестье, стоя, смотрела на его приготовления, потом взяла с камина папироску и закурила.

– Я не могу работать без папиросы, – сказала она. – Ну, что же вы хотите рассказать?

Он с удивлением взглянул на нее:

– Я не знаю, за этим-то я и пришел к вам.

– Да, я вам помогу. Я сделаю приправу, но все же мне нужно самое блюдо.

Он сидел смущенный, наконец нерешительно сказал:

– Я хотел бы рассказать свое путешествие с самого начала.

Она села против него, по другую сторону стола, смотря ему в глаза:

– Ну хорошо, расскажите мне, мне одной, не спеша, ничего не пропуская, я выберу все подходящее.

Он не знал, как начать, и она стала допрашивать его, как священник на исповеди, предлагая вопросы, которые напоминали ему забытые подробности, встречи, случайно промелькнувшие фигуры.

Она заставила его рассказывать таким образом около четверти часа, потом вдруг перебила его:

– Теперь мы начнем. Представьте себе, что вы описываете свои впечатления другу. Это дает вам право говорить всякие пустяки, отпускать всевозможные замечания, быть непринужденным и занимательным, насколько вам удастся. Начните так: «Милый Анри, тебе хочется знать, что такое Алжир, – ты это узнаешь. Из тесной мазанки, где я живу и где скучаю от безделья, я буду присылать тебе нечто вроде дневника, в котором буду описывать свою жизнь день за днем, час за часом. Порой кое-что будет не совсем прилично – ну что ж, ты ведь не обязан показывать его своим знакомым дамам».

Она остановилась, чтобы зажечь потухшую папиросу, и тихое скрипение гусяного пера тотчас прекратилось.

– Будем продолжать, – сказала она. – «Алжир – большое французское владение, расположенное на границе огромных неисследованных стран, которые называют пустыней Сахарой, Центральной Африкой и так далее.

Алжир – это ворота, прекрасные белые ворота этого своеобразного материка.

Но прежде всего до него надо добраться, а путешествие туда не для всех одинаково. Как тебе известно, я превосходный наездник, в противном случае мне не поручали бы выезжать лошадей нашего полковника; но ведь можно быть хорошим кавалеристом и плохим моряком. На мне это подтвердилось.

Ты помнишь полкового врача Симбрета, которого мы прозвали доктором Ипека? Когда нам хотелось побыть сутки в лазарете, в этой благословенной стране, мы отправлялись к нему на прием. Он сидел на стуле, расставив толстые ноги в красных штанах, положив руки на колени так, что они образовывали мост, локти на отлете, и вращал большими круглыми глазами, покусывая свои белые усы.

Ты помнишь его предписания? “У этого солдата расстройство желудка; дать ему рвотное номер три по моему рецепту, потом двенадцать часов покоя, и он здоров”.

Рвотное это было всемогущим и действовало неотразимо. Делать нечего, приходилось его принимать. Зато потом, испробовав рецепт доктора Ипека, можно было насладиться заслуженным двенадцатичасовым отдыхом.

Так вот, милый мой, чтобы попасть в Африку, надо в течение сорока часов переносить действие другого рвотного, действующего не менее неотразимо, – по рецепту Трансатлантической паровой компании».

Она потеряла руки, очень довольная своей выдумкой.

Она встала, начала ходить, закурив вторую папироску, и диктовала, выпуская струйки дыма; сначала они выходили совсем прямые из маленького круглого отверстия ее сжатых губ, потом расширялись, расплывались, местами оставляя в воздухе серые линии, какой-то прозрачный туман, облачко, похожее на тонкую паутину. Она то отгоняла ладонью эти легкие следы, то пересекала их указательным пальцем и потом с серьезным вниманием следила, как медленно исчезали оба клочка едва заметного дыма.

И Дюруа, устремив на нее взор, следил за всеми ее жестами, всеми позами, всеми движениями ее тела и лица, занятых этой пустой игрой, не отвлекаясь ее мысли.

Теперь она придумывала разные перипетии путешествия, набрасывала портреты вымышленных попутчиков, сочинила любовное приключение с женой пехотного капитана, ехавшей к своему мужу.

Потом села и начала спрашивать Дюруа о топографии Алжира, о которой не имела никакого понятия. Через десять минут она знала о ней не меньше, чем он, и составила небольшой очерк политической и колониальной географии, чтобы ознакомить с нею читателя и подготовить его к пониманию серьезных вопросов, которые предстояло затронуть в следующих статьях.

Далее следовала экскурсия в провинцию Оран – фантастическая экскурсия, в которой речь шла почти исключительно о женщинах-мавританках, еврейках, испанках.

– Только это и интересует читателей, – сказала она.

Закончила она поездкой в Сайду, лежащую у подножия высоких плоскогорий, и забавной интрижкой между унтер-офицером Жоржем Дюруа и испанской работницей на фабрике по обработке альфы⁵ в Айн-эль-Хаджаре. Она описывала их свидания в голых скалистых горах ночью, когда шакалы, гиены и собаки арабов рычат, лают и воют среди утесов.

⁵ Альфа – растение, стебли которого употребляются на выделку бумаги, ковров, обуви.

Затем она весело сказала:

– Продолжение завтра!

И добавила, поднимаясь со стула:

– Вот, сударь, как пишутся статьи. Извольте подписаться.

Он колебался.

– Да подпишитесь же!

Он засмеялся и написал внизу страницы: «Жорж Дюруа».

Она ходила и курила, а он все смотрел на нее, не находя слов, чтобы поблагодарить ее, счастливый ее присутствием, полный признательности и чувственного наслаждения от зарождающейся между ними близости. Ему казалось, что все окружающее составляет часть ее – все, даже стены, уставленные книгами. Кресла, мебель, воздух, слегка пропитанный табачным дымом, носили какой-то особенный отпечаток; во всем было разлито нежное, милое очарование, исходившее от нее.

Неожиданно она спросила:

– Какого вы мнения о моей подруге, госпоже де Марель?

Он удивился:

– О... я нахожу ее... нахожу ее очень привлекательной.

– Не правда ли?

– Да, конечно.

Ему хотелось прибавить: «Но далеко не в такой степени, как вас». Но он не решился. Она продолжала:

– Если бы вы знали, какая она забавная, оригинальная, умная! Это богема, настоящая богема. За это ее и не любит ее муж. Он видит только ее недостатки и совсем не ценит ее достоинств.

Дюруа был поражен, узнав, что госпожа де Марель замужем. Впрочем, это было вполне естественно.

Он спросил:

– Вот как!.. Она замужем? А кто такой ее муж?

Госпожа Форестье слегка повела плечами и бровями. Движение это было полно какого-то неуловимого значения.

– Он инспектор Северных железных дорог. Каждый месяц он на неделю приезжает в Париж. Жена его называет это «принудительной службой», или «недельной барщиной», или еще «святой неделей». Когда вы с ней ближе познакомитесь, вы увидите, какая это остроумная и милая женщина. Зайдите к ней как-нибудь на днях.

Дюруа совсем забыл, что ему нужно уходить; ему казалось, что он останется здесь навсегда, что он у себя дома.

Но вдруг дверь бесшумно отворилась, и без доклада вошел какой-то высокий господин.

Он остановился, увидев незнакомого человека. Госпожа Форестье на минуту смутилась; легкая краска покрыла ее шею и лицо, но она сказала своим обычным голосом:

– Входите, дорогой друг... Позвольте вам представить приятеля Шарля, Жоржа Дюруа, будущего журналиста. – Затем, уже другим тоном, она назвала вновь пришедшего: – Наш лучший и самый близкий друг – граф де Водрек.

Мужчины раскланялись, посмотрели друг другу в глаза, и Дюруа сейчас же начал прощаться.

Его не удерживали. Он пробормотал несколько слов благодарности, пожал протянутую ему руку молодой женщины, поклонился гостю, который стоял с холодным и серьезным лицом светского человека, и вышел смущенный, точно сделал какую-нибудь глупость.

Когда он очутился на улице, ему стало грустно, как-то не по себе; глухая печаль давила его.

Он шел, не понимая, откуда появилась эта неожиданная тоска. Он не находил объяснения, но строгое лицо графа де Водрека, уже немолодого, с седыми волосами, со спокойным высокомерным выражением очень богатого и уверенного в себе человека, беспрестанно всплывало в его памяти.

Он заметил, что приход этого незнакомца, нарушивший их милый тет-а-тет, казавшийся ему уже привычным, вселил в него ощущение холода безнадежности, которое может вызвать в нас иногда одно случайно услышанное слово, чье-нибудь страдание, какой-нибудь пустяк.

И, кроме того, ему казалось, что этот человек неизвестно почему был недоволен его появлением там.

Ему больше нечего было делать до трех часов, а сейчас не было еще и двенадцати. В кармане у него оставалось шесть с половиной франков; он позавтракал у Дюваля⁶. Потом побродил по бульварам и ровно в три часа поднялся по лестнице, покрытой объявлениями, в редакцию «Ви Франсез».

Рассыльные, скрестив руки, сидели на скамейке в ожидании поручений, а швейцар за конторкой, похожей на профессорскую кафедру, разбирал только что полученную корреспонденцию. Обстановка была внушительная и производила впечатление на посетителей. Служащие умели держать себя с достоинством, с шиком, как подобает в прихожей большой газеты.

Дюруа спросил:

– Можно видеть господина Вальтера?

Швейцар ответил:

– Господин издатель на заседании. Не угодно ли вам подождать?

И указал на приемную, уже переполненную людьми. Тут были солидные, важные люди с орденами, были и плохо одетые посетители в сюртуках, застегнутых доверху, тщательно скрывающих от глаз белье, покрытых на груди пятнами, напоминающими очертания морей и континентов на географических картах. Среди них были три женщины. Одна из них, красивая, улыбающаяся, нарядная, была похожа на кокетку; соседка ее, с трагическим лицом в морщинах, тоже нарядная, но в более строгом стиле, носила на себе отпечаток чего-то помятого, чего-то искусственного, присущего обычно бывшим актрисам; в ней было нечто напоминающее поддельную выдохшуюся молодость, горький запах застоявшейся любви.

Третья женщина, в трауре, сидела в углу с видом неутешной вдовы. Дюруа решил, что она пришла просить подаяния.

Никого не принимали, хотя прошло уже более двадцати минут.

Тогда Дюруа пришла в голову одна мысль, и он сказал швейцару:

– Господин Вальтер назначил мне прийти в три часа. Посмотрите, нет ли тут моего друга Форестье.

Тогда его провели по длинному коридору в большой зал, где четыре господина писали, сидя за широким зеленым столом.

Форестье, стоя у камина, курил папиросу и играл в бильбоке.

Он был очень искусен в этой игре и каждый раз насаживал громадный шар из желтого бруска на маленький деревянный гвоздик. При этом он считал:

– Двадцать два, двадцать три, двадцать четыре, двадцать пять.

Дюруа сказал:

– Двадцать шесть.

Форестье взглянул на него, не прерывая равномерных движений руки.

– Ах, это ты? Вчера я выбил пятьдесят семь в один прием. Только Сен-Потен сильнее меня в этой игре. Ты видел патрона? На редкость смешное зрелище представляет из себя этот

⁶ Дюваль. – В Париже со времени Второй империи существовала большая сеть дешевых столовых, организованных кухмистером Дювалем.

толстяк, когда он играет в бильбоке. Он при этом так открывает рот, как будто хочет проглотить шар.

Один из сотрудников повернул к нему голову:

– Слушай, Форестье, я знаю, где продают превосходное бильбоке из антильского дерева.

Говорят, оно принадлежало испанской королеве. Попросят шестьдесят франков, это не дорого.

Форестье спросил:

– Где это?

И, промахнувшись на тридцать седьмом ударе, он открыл шкаф, в котором Дюруа увидел около двадцати штук великолепных бильбоке, аккуратно уложенных и перенумерованных, точно сокровища в какой-нибудь коллекции. Положив свое бильбоке на место, он еще раз спросил:

– Где же находится эта драгоценность?

Журналист ответил:

– У одного барышника у театра «Водевиль». Если хочешь, я тебе завтра его принесу.

– Хорошо. Я куплю, если оно действительно хорошее: лишнее бильбоке никогда не мешает. – Потом он обратился к Дюруа: – Пойдем со мной, я провожу тебя к патрону, а то будешь здесь киснуть до семи часов вечера.

Они прошли через приемную; те же лица сидели на своих прежних местах. Как только появился Форестье, молодая женщина и старая актриса поспешно поднялись и подошли к нему.

Он подвел каждую из них по очереди к окну, и хотя они старались говорить очень тихо, однако Дюруа заметил, что он обеим им говорил «ты».

Затем, пройдя через двойную обитую дверь, они вошли в кабинет издателя.

Заседание, длившееся уже более часа, заключалось в партии экарте с некоторыми из тех господ в цилиндрах с плоскими полями, которых Дюруа видел накануне.

Вальтер держал карты и играл с сосредоточенным вниманием и с рассчитанными движениями, а его противник бил, маневрируя легкими цветными листиками с гибкостью, ловкостью и изяществом опытного игрока. Норбер де Варенн писал статью, сидя в директорском кресле, а Жак Риваль, развалившись на диване во весь рост, с закрытыми глазами курил сигару.

Чувствовался затхлый запах кожи, которою была обита мебель, старого табака и типографии – своеобразный запах редакции, хорошо знакомый всем журналистам.

На столе из черного дерева с медными украшениями возвышалась огромнейшая груда бумаг: письма, карточки, газеты, журналы, счета поставщиков, всевозможные печатные бланки.

Форестье пожал руки нескольким людям, следившим за игрой и державшим между собой пари, и стал молча смотреть; как только Вальтер выиграл, он сказал:

– Вот мой друг Дюруа.

Издатель быстро взглянул поверх очков на молодого человека и спросил:

– Принесли статью? Она была бы очень кстати именно сегодня, пока идут прения по запросу Мореля.

Дюруа вынул из кармана вчетверо сложенные листки:

– Вот она.

Патрон казался очень довольным и сказал, улыбаясь:

– Отлично, отлично. Вы держите слово. Надо мне просмотреть это, Форестье?

Форестье поспешил ответить:

– Не стоит, господин Вальтер: я писал вместе с ним статью, чтобы приучить его к этому делу. Статья очень хорошая.

Издатель, принимавший теперь карты, которые сдавал высокий худощавый господин, депутат левого центра, равнодушно сказал:

– Ну и великолепно.

Форестье не дал ему начать новую партию, нагнулся к нему и шепнул:

– Вы обещали мне взять Дюруа на место Марамбо. Разрешите взять его на тех же условиях?

– Да, хорошо.

Взяв приятеля под руку, журналист увлек его из комнаты; Вальтер снова принялся за игру.

Норбер де Варенн не поднял головы; казалось, он не видел или не узнал Дюруа. Жак Риваль, наоборот, демонстративно крепко пожал ему руку, показывая этим, что на него можно рассчитывать, как на хорошего товарища.

Когда они снова проходили через приемную, все взгляды устремились на них, и Форестье сказал, обращаясь к самой молодой из женщин, достаточно громко, чтобы его слышали и другие посетители:

– Издатель вас примет через минутку. Сейчас у него совещание с двумя членами бюджетной комиссии.

Затем он поспешно удалился с озабоченным и значительным видом, точно ему нужно было немедленно составить телеграмму чрезвычайной важности.

Вернувшись в редакционный зал, Форестье тотчас же взялся за бильбоке и, прерывая фразы счетом ударов, сказал Дюруа:

– Так вот, ты будешь сюда приходить ежедневно в три часа, и я буду тебе указывать, куда нужно пойти – иногда днем, иногда вечером, иногда утром, – раз! Прежде всего я дам тебе рекомендательное письмо к начальнику канцелярии полицейской префектуры – два! – а он направит тебя к одному из своих чиновников. Ты условишься с ним, как получать все важные новости – три! – от служащих префектуры, новости официальные и, само собою разумеется, полуофициальные. За подробностями обратиться к Сен-Потену, он в курсе дела, – четыре! – ты увидишь его сейчас или завтра. Главное, тебе придется научиться выжимать все из людей, к которым я тебя буду посылать, – пять! – проникать всюду, даже через закрытые двери, – шесть! За это ты будешь получать двести франков в месяц постоянного жалованья и сверх того по два су за строчку собранных тобою интересных новостей, – семь! – а также по два су за строчку тех статей, которые будут тебе заказывать по разным вопросам, – восемь!

Затем он весь ушел в свою игру и медленно продолжал считать: девять, десять, одиннадцать, двенадцать, тринадцать. Прوماхнувшись на четырнадцатом, он выругался:

– Черт бы побрал это тринадцатое число! Оно всегда мне приносит неудачу. Я, наверно, умру тринадцатого.

Один из сотрудников кончил работу и тоже вынул из шкафа свое бильбоке; это был очень маленький человечек, похожий на ребенка, несмотря на свои тридцать пять лет; вошло еще несколько журналистов, каждый из них взял свою игрушку.

Вскоре их оказалось шесть человек; стоя рядом, спиной к стене, одинаковыми правильными движениями они подбрасывали в воздух шары, красные, желтые или черные, в зависимости от сорта дерева. Началось состязание, и два заведующих отделами, еще не окончившие работу, встали, чтобы судить играющих.

Форестье выбил на одиннадцать ударов больше других. Человек, похожий на ребенка, проиграл; он звонком вызвал рассыльного и сказал ему:

– Девять бокалов пива.

Затем, в ожидании прохладительного, все снова принялись за игру.

Дюруа выпил бокал пива со своими новыми коллегами, потом опросил Форестье:

– Что мне делать?

Тот ответил:

– На сегодня у меня нет для тебя никаких поручений. Если хочешь, можешь идти.

– А наша... наша статья... пойдет сегодня вечером?

– Да, не беспокойся о ней! Я сам буду править корректуру. Приготовь на завтра продолжение и приходи сюда в три часа, как сегодня.

Дюруа пожал руки всем этим людям, имена которых ему были неизвестны, и спустился по прекрасной лестнице, радостный и оживленный.

IV

Жорж Дюруа спал плохо: так волновало его желание увидеть напечатанной свою статью. Как только рассвело, он встал и вышел на улицу гораздо раньше, чем газетчики начинают бегать от киоска к киоску.

Тогда он направился к вокзалу Сен-Лазар, зная, что «Ви Франсез» появится там раньше, чем в его квартале. Но было еще слишком рано, и он стал бродить по тротуару.

Он видел, как пришла продавщица и открыла свою застекленную будку, потом заметил человека, несущего на голове огромную кипу газет. Он устремился к нему, но то были «Фигаро», «Жиль Блас», «Ле Галуа», «Эвенма» и несколько других утренних газет. «Ви Франсез» среди них не было.

Им овладел страх. Что, если «Воспоминания африканского стрелка» отложены до завтра? Что, если случайно в последнюю минуту статья не понравилась старику Вальтеру?

Вернувшись к киоску, он увидел, что его газета уже продается, хотя он не заметил, как ее пронесли мимо него. Он устремился вперед, бросил три су, развернул газету и пробежал заголовки первой страницы. Нет! Сердце его забилося. Он перевернул страницу и с сильным волнением прочитал под одним из столбцов напечатанную жирным шрифтом подпись: «Жорж Дюруа». Появилось! Какая радость!

Он пошел, ни о чем не думая, с газетой в руке, в шляпе, сдвинутой набок, готовый остановить каждого проходящего и сказать ему: «Купите эту газету, купите эту газету – в ней напечатана моя статья». Ему хотелось кричать во все горло, как кричат газетчики по вечерам на бульварах: «Читайте “Ви Франсез”, читайте статью Жоржа Дюруа “Воспоминания африканского стрелка”». И вдруг ему захотелось самому прочесть свою статью, прочесть ее где-нибудь в общественном месте, в кафе, на виду у всех. Он стал искать такой ресторан, где были бы уже посетители. Ему пришлось долго бродить. Наконец он зашел в какой-то кабачок, где было уже довольно много народу, сел за столик и потребовал: «Рому!» Он мог бы спросить и абсенту, так как совершенно забыл о том, что еще так рано. Затем он крикнул:

– Гарсон! Дайте мне «Ви Франсез»!

Подбежал лакей в белом фартуке:

– У нас нет такой газеты, сударь, мы получаем только «Раппель», «Сьекль», «Лантем» и «Пти Паризьен».

Сердитым, негодующим тоном Дюруа сказал ему:

– Что у вас за учреждение!.. В таком случае купите мне ее.

Тот побежал и принес ему газету. Дюруа принялся за чтение своей статьи и несколько раз громко повторил: «Отлично!.. Отлично!..» – чтобы привлечь внимание соседей и возбудить в них желание узнать, что такое напечатано в этой газете. Затем, уходя, он оставил ее на столе. Заметив это, хозяин окликнул его:

– Сударь! Сударь! Вы забыли вашу газету!

Дюруа ответил ему:

– Я уже прочел ее и потому оставляю вам. Между прочим, сегодня в ней напечатана очень интересная статья.

Он не сказал, какая именно статья, но, уходя, видел, как один из посетителей взял «Ви Франсез» со столика, где он ее оставил.

Выйдя на улицу, он подумал: «Чем бы мне теперь заняться?» И решил отправиться в свою канцелярию, получить месячное жалованье и заявить об уходе. Он заранее трепетал от восторга при мысли о том, как удивятся и вытаращат глаза его начальник и сослуживцы. Особенно восхищала его мысль об изумлении начальника.

Он шел медленно, чтобы не прийти раньше половины десятого, так как касса открывалась только в десять часов.

Канцелярия, выходящая в узкий двор, напротив других контор, занимала большое темное помещение, в котором зимою целый день горел газ. Здесь сидели восемь служащих, а в углу за ширмой помещался помощник начальника.

Дюруа сперва пошел получить свои сто восемнадцать франков двадцать пять сантимов, лежавших в желтом конверте, хранившемся в ящике у кассира; потом с видом победителя прошел в большую рабочую комнату, в которой провел столько дней.

Как только он вошел, помощник начальника Потель сказал ему:

– А! Это вы, господин Дюруа! Начальник уже несколько раз требовал вас. Вы ведь знаете, что он не разрешает болеть два дня подряд без медицинского свидетельства.

Дюруа, стоявший посреди комнаты, подготавливая эффект своего заявления, ответил громким голосом:

– Мне, положим, наплевать на это!

Служащие были поражены, испуганная физиономия Потеля выглянула из-за ширмы, за которой он сидел, как в ящике.

Он прятался там от сквозняков, так как страдал ревматизмом. Он только проделал в бумаге две дырочки, чтобы иметь возможность следить за своими подчиненными.

Настала такая тишина, что можно было слышать полет мухи. Наконец помощник начальника нерешительно спросил:

– Что вы сказали?

– Я сказал, что мне наплевать. Я пришел сегодня только для того, чтобы заявить об уходе. Я поступил сотрудником в редакцию «Ви Франсез» с жалованьем в пятьсот франков, не считая почасового гонорара. Сегодня там уже напечатана моя статья.

Ему хотелось продлить эту приятную минуту, но он не мог удержаться, чтобы не высказать всего сразу.

Эффект, впрочем, был полный. Все замерли на месте.

Дюруа сказал:

– Я пойду заявить об этом господину Пертюи, а потом вернусь сюда, чтобы попрощаться с вами.

И он отправился к начальнику, который, увидев его, сразу начал кричать:

– А! Вот и вы... Вы знаете, что я не разрешаю...

Подчиненный прервал его:

– Вам, право, незачем так орать...

Господин Пертюи, человек толстый и красный, как петушинный гребень, задохнулся от изумления.

Дюруа продолжал:

– Мне надоела ваша лавочка... С сегодняшнего дня я начал работать как журналист. Мне предложили прекрасное место... Имею честь кланяться.

И вышел. Он был отмщен.

Он действительно вернулся, чтобы пожать руки своим бывшим сослуживцам, которые едва осмеливались с ним говорить, боясь скомпрометировать себя, так как они через открытую дверь слышали его разговор с начальником.

Наконец Дюруа очутился на улице со своим жалованьем в кармане. Он плотно позавтракал в знакомом ему хорошем ресторане с умеренными ценами, опять купил номер «Ви Франсез» и оставил его на столике, за которым сидел. Затем зашел в несколько магазинов и купил всяких пустяков только для того, чтобы иметь возможность приказывать доставить их себе на квартиру и назвать свое имя: «Жорж Дюруа». При этом он добавлял: «Сотрудник “Ви Франсез”».

Потом, указав улицу и номер дома, он не забывал предупредить:

– Вы оставите покупки у привратника.

А поскольку у него еще было время, он зашел в литографию, где моментально, в присутствии заказчика, изготавливали визитные карточки, и велел немедленно сделать себе сотню их, обозначив под фамилией свое новое звание.

Потом он отправился в редакцию.

Форестье принял его высокомерно, как принимают подчиненных:

– А! Вот и ты... Отлично. У меня есть для тебя несколько поручений. Обожди минут десять. Я сперва кончу мою работу.

И он продолжал начатое письмо.

На другом конце большого стола маленький человечек, очень бледный, очень жирный, лысый, одутловатый, с совершенно белым блестящим черепом, писал, уткнув нос в бумагу вследствие сильной близорукости.

Форестье спросил его:

– Скажи-ка, Сен-Потен, в котором часу ты пойдешь интервьюировать наших клиентов?

– В четыре.

– Ты возьмешь с собою Дюруа, молодого человека, стоящего перед тобой, и откроешь ему тайны нашей профессии.

– Хорошо.

Потом, обратившись к Дюруа, Форестье прибавил:

– Ты принес продолжение статьи об Алжире? Начало имело большой успех.

Дюруа смущенно пробормотал:

– Нет. Я думал, что у меня найдется время после обеда... У меня было столько дел, что я никак не мог...

Форестье пожал плечами с недовольным видом:

– Если ты не будешь аккуратен, ты рискуешь своим будущим. Старик Вальтер рассчитывал на твою статью. Я скажу ему, что она будет завтра... Если ты думаешь, что тебе будут платить за безделье, то ты ошибаешься.

После некоторого молчания он прибавил:

– Надо ковать железо, пока оно горячо, черт возьми!

Сен-Потен поднялся.

– Я готов, – сказал он.

Тогда Форестье, развалившись в своем кресле и приняв почти торжественную позу, чтобы дать надлежащие распоряжения, обратился к Дюруа:

– Так вот. У нас в Париже уже два дня находятся китайский генерал Ли Ченгфу, остановившийся в «Континентале», и раджа Тапосаиб Рамадерао Пали, остановившийся в гостинице «Бристоль». Вам надо с ними поговорить.

Потом он обратился к Сен-Потену:

– Не забудь главных пунктов, на которые я тебе указывал. Спроси у раджи и у генерала, что они думают о маневрах Англии на Дальнем Востоке, о ее колониальной и захватнической политике, есть ли у них надежды на вмешательство Европы вообще и Франции в частности.

Он помолчал, потом прибавил в сторону:

– Нашим читателям чрезвычайно интересно будет знать, что думают в Китае и Индии по поводу вопросов, так сильно волнующих сейчас общественное мнение.

Затем он добавил, обращаясь к Дюруа:

– Следи за тем, как это делает Сен-Потен – он великолепный репортер, – и старайся научиться выпытывать у человека все в течение пяти минут.

После этого он опять с важным видом взялся за перо с явно выраженным намерением установить известные границы и указать надлежащее место своему старому товарищу и новому сослуживцу.

Как только они вышли за дверь, Сен-Потен засмеялся и сказал Дюруа:

– Вот фокусник! Даже перед нами он ломается. Он, кажется, нас принял за своих читателей.

Они вышли на бульвар, и репортер спросил:

– Выпьем чего-нибудь?

– С удовольствием. Очень жарко.

Они вошли в кафе и попросили прохладительного. Сен-Потен начал болтать. Он говорил о газете и обо всех ее сотрудниках с поразительным обилием подробностей:

– Патрон? Настоящий еврей! Вы знаете, еврея не переделаешь. Что за раса!

И он стал приводить целый ряд примеров его скупости, столь свойственной сынам Израиля, рассказывать о его грошовой экономии и мелком торгашестве, об унижительных сделках, о всех его приемах, изобличающих жадного ростовщика.

– И при всем том добрый малый, который ни во что не верит и вертит всеми. Его газета, официозная, католическая, либеральная, республиканская, орлеанистская, пирог с начинкой или мелочная лавочка, служит ему только для поддержки его биржевых операций и всевозможных предприятий. В этом отношении он молодец, зарабатывает миллионы, основывая общества, не имеющие ни гроша капитала...

Он продолжал, называя Дюруа «дорогим другом»:

– А иногда у этого скряги бывают бальзаковские словечки. Представьте себе такой случай. На днях я сидел у него в кабинете, там был старый хрен Норбер и этот Дон Кихот, Риваль; вдруг входит Монтелен, наш управляющий, со своим известным всему Парижу сафьяновым портфелем под мышкой. Вальтер поднимает голову и спрашивает: «Что нового?» Монтелен наивно отвечает: «Я только что уплатил пятнадцать тысяч франков, наш долг за бумагу». Патрон подскочил, буквально подскочил на месте: «Что вы сказали?» – «Что я заплатил господину Прива». – «Да вы с ума сошли!» – «Почему?» – «Почему... почему... почему...» Он снял очки, протер их. Потом улыбнулся той особенной улыбкой, которая всегда пробегает по его толстым щекам, когда он собирается сказать что-нибудь хитрое или крепкое, и насмешливым, убежденным тоном произнес: «Почему? Потому, что на этом деле мы могли получить скидку в четыре или пять тысяч франков!» Монтелен, удивленный, возразил: «Господин издатель, но ведь все счета были правильны – проверены мною и приняты вами». Тогда патрон, уже серьезно, заметил: «Нельзя быть таким наивным, как вы. Знайте, Монтелен, надо всегда задерживать выплату и потом заключать полюбовные сделки».

И, покачав головой с видом знатока, Сен-Потен прибавил:

– Ну? Не по-бальзаковски ли это?

Дюруа никогда не читал Бальзака, но убежденно ответил:

– Да, черт возьми.

Потом репортер назвал госпожу Вальтер толстой индюшкой, Норбера де Варенна – старым неудачником, сказал, что Риваль подражает Ферваку⁷. Наконец дошел до Форестье:

– Ну, этому просто повезло, нашел такую жену – и все тут.

Дюруа спросил:

– А что представляет собою его жена?

Сен-Потен ответил, потирая руки:

⁷ Фервак – французский журналист 70–80-х гг., сотрудничавший в «Фигаро» в качестве талантливого репортера, освещавшего жизнь светского общества.

– О, это женщина ловкая, тонкая штучка. Любовница старого жуира Водрека, графа де Водрека; он дал ей приданое и выдал замуж...

Дюруа вдруг почувствовал озноб, какую-то нервную дрожь, потребность выругать этого болтуна, дать ему пощечину. Но он лишь остановил его вопросом:

– Это ваше настоящее имя – Сен-Потен?

Тот простодушно ответил:

– Нет, меня зовут Тома. Это в редакции меня прозвали Сен-Потеном.

Дюруа заплатил за напитки и сказал:

– Кажется, уже поздно, а нам надо еще посетить этих двух вельмож.

Сен-Потен расхохотался:

– Как вы еще наивны! Так вы в самом деле думаете, что я пойду спрашивать у этого китайца и индуса, что они думают об Англии? Я лучше их знаю, что они должны думать для читателей «Ви Франсез». Я уже проинтервьюировал пятьсот таких китайцев, персов, индусов, чилийцев, японцев и так далее. На мой взгляд, все они говорят одно и то же. Мне только надо взять мою статью о последнем из них и переписать ее слово в слово. Изменить надо только заголовок, имя, титул, возраст, свиту. О, тут уж ошибиться нельзя, а то меня сейчас же уличит «Фигаро» или «Ле Галуа». Но на этот счет я в пять минут получу самые верные сведения от швейцаров отелей «Бристоль» и «Континенталь». Мы пройдемся туда пешком, покурим по дороге. А потом можно будет потребовать в редакции пять франков за извозчика. Вот, дорогой мой, как делают дела люди практичные.

Дюруа спросил:

– При таких условиях быть репортером, должно быть, выгодно?

Журналист таинственно ответил:

– Да, но выгоднее всего хроника, это всегда замаскированная реклама.

Они встали и пошли по бульвару по направлению к церкви Мадлен. Сен-Потен неожиданно сказал своему спутнику:

– Знаете что, если у вас есть какие-нибудь дела, вы мне не нужны.

Дюруа пожал ему руку и ушел.

Мысль о том, что ему надо вечером писать статью, мучила его, и он начал ее обдумывать. Он шел, пытаясь собрать свои мысли, наблюдения, чужие мнения, разные случаи, и дошел таким образом до конца авеню Елисейских Полей, где изредка попадались гуляющие. Париж был пуст в эти жаркие дни.

Пообедав в маленьком ресторанчике на площади Этуаль, около Триумфальной арки, он медленным шагом вернулся домой по внешним бульварам и сел за стол, чтобы работать.

Но как только он увидел перед собою большой белый лист бумаги, весь собранный им материал вылетел у него из головы: казалось, самый мозг его испарился. Он старался поймать обрывки воспоминаний, закрепить их, но они ускользали, едва он успевал ухватиться за них, или же являлись в хаотическом состоянии, и он не знал, как выразить их, какую придать им форму, с чего начать.

Просидев целый час и испортив пять страниц вступительными фразами, не имеющими между собой никакой связи, он подумал: «Я еще недостаточно набил руку в этом деле. Надо взять еще один урок». И, представив себе возможность провести еще одно утро за работой с госпожой Форестье, представив себе долгое, интимное, сердечное и такое сладостное свидание наедине с ней, он весь затрепетал. Почти боясь теперь взяться за работу и вдруг оказаться способным выполнить ее самостоятельно, он поспешно лег спать.

На другое утро он встал поздно, отдавая заранее предвкушаемое удовольствие предстоящего визита. Было больше десяти часов, когда он позвонил у дверей своего друга.

Слуга сказал:

– Господин Форестье работает.

Дюруа в голову не приходила мысль о том, что муж может оказаться дома. Однако он настойчиво сказал:

– Скажите, что это я, по спешному делу.

Через пять минут его ввели в кабинет, где он провел накануне такое чудесное утро.

Место, где он вчера сидел, было занято теперь Форестье; в халате, в туфлях, в маленькой английской шапочке он сидел и писал, а жена его, в том же пеньюаре, стояла, облокотившись на камин, и диктовала, с папиросой в зубах.

Дюруа, остановившись у порога, пробормотал:

– Простите, я вам помешал.

Приятель его, сердито подняв голову, проворчал:

– Что тебе еще надо! Говори скорей? Нам некогда.

Тот, сконфуженный, пролепетал:

– Нет, ничего, извини.

Форестье рассердился:

– К делу, черт возьми! Не теряй даром времени. Не для того же ты ворвался сюда, чтобы поздороваться с нами.

Тогда Дюруа, сильно смущенный, решил:

– Нет... вот... дело в том, что... мне опять не удастся написать статью... а ты был... а вы были так... так... так милы в прошлый раз, что... что я надеялся... что я осмелился прийти...

Форестье оборвал его:

– Ты смеешься над нами, в конце концов! Так ты думаешь, что я буду за тебя работать, а тебе останется только получать деньги в конце месяца? Нет! Право, это недурно!

Молодая женщина продолжала курить, не говоря ни слова, и все время улыбалась неопределенной улыбкой, прикрывавшей ее насмешливую мысль.

Дюруа, краснея, пролепетал:

– Извините меня... я надеялся... я думал... – Потом вдруг отчетливо выговорил: – Приношу вам тысячу извинений, сударыня, и еще раз горячо благодарю за прелестную статью, которую вы за меня написали вчера.

Затем он поклонился и сказал Шарлю:

– В три часа я буду в редакции. – И вышел.

Быстрыми шагами он пошел домой, ворча: «Хорошо, я сейчас напишу эту статью сам, они увидят...»

Возбужденный гневом, он сел писать сейчас же, как только вошел в комнату.

Он продолжал развивать приключение, начатое госпожой Форестье, нагромождая подробности, заимствованные из фельетонов, невероятные случайности и напыщенные описания, – все это неуклюжим слогом школьника и жаргоном унтер-офицера. Заметка, представлявшая какой-то дикий хаос, была написана, и он понес ее в редакцию «Ви Франсез», твердо уверенный в успехе.

Первым, кого он встретил, был Сен-Потен, который, крепко пожав ему руку с видом сообщника, спросил его:

– Читали мою беседу с китайцем и с индусом? Забавно? Весь Париж смеялся. А я не видел даже кончика их носа.

Дюруа, который еще ничего не читал, сейчас же взял газету и стал пробегать глазами длинную статью, озаглавленную «Индия и Китай», а репортер указывал ему и подчеркивал наиболее интересные места.

Пришел Форестье, запыхавшийся, с деловым и озабоченным видом:

– Вот хорошо, вы мне оба нужны.

Он указал им ряд политических сведений, которые они должны были раздобыть в этот же вечер. Дюруа протянул ему свою статью.

- Вот продолжение статьи об Алжире.
- Отлично, дай, я передам ее патрону.

На этом разговор кончился.

Сен-Потен увлек за собой нового коллегу и, когда они вышли в коридор, спросил его:

- Были вы уже в кассе?
- Нет. Зачем?

– Зачем? А чтобы получить деньги. Знаете, всегда нужно забирать жалованье за месяц вперед. Мало ли что может случиться...

– Что ж... Я ничего не имею против.

– Я вас познакомлю с кассиром. Он препятствовать не будет. Здесь платят хорошо.

И Дюруа получил свои двести франков да еще двадцать восемь франков за вчерашнюю статью; вместе с тем, что осталось от жалованья, полученного на старой службе, у него оказалось в кармане триста сорок франков. Никогда еще он не держал в руках такой суммы, и ему казалось, что богатству его не будет конца.

Потом Сен-Потен повел его в редакции четырех или пяти конкурирующих газет, надеясь, что другие уже раздобыли сведения, которые ему поручили узнать, и что он сумеет их выведать с помощью своего хитрого длинного языка.

Вечером Дюруа нечего было делать, и он вздумал снова пойти в «Фоли-Берже». Набравшись смелости, он подошел к контролю:

– Я Жорж Дюруа, сотрудник «Ви Франсез». На днях я был здесь с господином Форестье, и он обещал устроить мне даровой вход. Не знаю, не забыл ли он.

Просмотрели список, и его имени там не оказалось. Однако контролер очень любезно сказал:

– Во всяком случае, войдите и обратитесь лично к управляющему; разумеется, он вам не откажет.

Он вошел и почти сейчас же встретил Рашель, женщину, которую он увел с собой в первый вечер.

Она подошла к нему:

- Здравствуй, котик, как поживаешь?
- Хорошо, а ты?

– Я недурно. Знаешь, я тебя два раза видела во сне за это время.

Дюруа, польщенный, улыбнулся:

– Ну-ну, и что же это значит?

– Это значит, что ты мне понравился, дурачок, и что мы повторим, когда тебе будет угодно.

– Сегодня, если хочешь.

– Да, я хочу.

– Хорошо, но вот что...

Он колебался, немного смущенный тем, что собирался сказать.

– Дело в том, что сегодня у меня нет денег; я был в клубе и все спустил там.

Она заглянула ему в глаза, чувствуя ложь инстинктом опытной проститутки, привыкшей к хитростям и к торгашеству мужчин. Она сказала:

– Лгунишка! Не очень-то мило с твоей стороны.

Он смущенно улыбнулся:

– Хочешь десять франков – все, что у меня осталось?

С бескорыстием куртизанки, удовлетворяющей свой каприз, она прошептала:

– Все равно, милый. Я хочу только тебя.

И, устремив влюбленный взгляд на усы молодого человека, она нежно оперлась на его руку и сказала:

– Выпьем сначала гренадину, потом погуляем немножко. Мне хотелось бы пройти с тобой в Оперу, чтобы показать тебя. Мы пораньше пойдем домой, не правда ли?

До позднего часа он спал у этой женщины. Когда он вышел на улицу, был уже день, и тотчас ему пришла в голову мысль купить номер «Ви Франсез». Дрожащими руками он его развернул: его статьи не было; он стоял на тротуаре и тревожным взглядом пробежал газетные столбцы, все еще надеясь найти то, что искал.

Какая-то тяжесть внезапно легла ему на сердце; он был утомлен ночью любви, и эта неприятность, присоединявшаяся к его усталости, показалась ему большим несчастьем. Он поднялся к себе и заснул на постели одетый. Через несколько часов он отправился в редакцию и зашел к Вальтеру.

– Сегодня утром я был очень удивлен, что вторая моя статья об Алжире не напечатана. Издатель поднял голову и сухо сказал:

– Я передал ее вашему другу Форестье и просил его просмотреть; он нашел ее неудовлетворительной, вам придется переделать ее.

Дюруа, взбешенный, вышел, не сказав ни слова, быстро вошел в кабинет своего друга и спросил:

– Почему ты не поместил сегодня моей статьи?

Журналист курил, развалившись в кресле; положив ноги на стол, он каблуками пачкал начатую статью. Спокойно, слабым голосом, точно доносившимся из глубины какой-то ямы, он проговорил тоном человека, которому все это надоело:

– Патрон нашел, что она не годится, и поручил мне передать ее тебе для исправления. Вот она, возьми.

И он указал пальцем на листы, лежавшие под пресс-папье. Дюруа, совсем уничтоженный, не знал, что сказать, и положил листы в карман. Форестье продолжал:

– Сегодня ты сперва отправишься в префектуру...

И он указал ему ряд деловых визитов и сведений, которые ему нужно было собрать. Дюруа вышел молча, не найдя едкого слова, которого искал.

На другой день он снова принес свою статью. Ему опять вернули ее. Переделав ее в третий раз и снова получив обратно, он понял, что только рука Форестье может оказать ему поддержку в его карьере.

Он больше не заговаривал о «Воспоминаниях африканского стрелка», решил быть уступчивым и хитрым, раз это необходимо, а пока, в ожидании лучшего, старательно исполнял свои обязанности репортера.

Он познакомился с кулисами театра и политики, с кулуарами и передними государственными мужей и палаты депутатов, с важными лицами чиновников особых поручений и с нахмуренными физиономиями заспанных швейцаров.

У него установились постоянные сношения с министрами, с привратниками, с генералами, полицейскими агентами, князьями, сутенерами, куртизанками, послами, епископами, с посредниками, с мошенниками крупного полета, с людьми из общества, с шулерами, с извозчиками, с лакеями из кафе и со многими другими; он стал равнодушным и небескорыстным приятелем всех этих людей – приятелем из расчета; все они были одинаковы в его глазах, он мерил всех одной меркой, всех оценивал с одной и той же точки зрения, так как сталкивался с ними ежедневно во все часы дня, непосредственно переходя от одного к другому и с каждым говоря об одном и том же – о делах, касающихся его профессии. Сам он сравнивал себя с человеком, который перепробовал одно за другим всевозможные вина и теперь уже не отличает больше Шато-Марго от Аржантейля.

В короткий срок он стал замечательным репортером, уверенным в своих сведениях, хитрым, проворным, тонким, – настоящим кладом для газеты, как говорил старик Вальтер, знавший толк в сотрудиниках.

Однако он получал только по десять сантимов за строчку и двести франков жалованья, а жизнь на бульварах, в кафе и в ресторанах стоит дорого, и потому у него никогда не бывало денег и он приходил в отчаяние от своей бедности.

«Тут кроется какой-то секрет, который необходимо разгадать», – думал он, видя, что у некоторых его коллег карманы набиты золотом, и не понимая, какие тайные средства употребляют они, чтобы добиться такого благоденствия. И он с завистью рисовал себе какие-то неизвестные и подозрительные способы, какие-то услуги, оказанные кому-то, целую сеть общепринятой и дозволенной контрабанды. Значит, ему необходимо было открыть эту тайну, вступить в этот молчаливый союз, втиснуться в круг товарищей, нажившихся без него.

И часто по вечерам, следя из окна за проходящими поездами, он думал о том, какие способы можно было бы для этого изобрести.

V

Прошло два месяца; приближался сентябрь, а наступление блестящей карьеры, на которую надеялся Дюруа, казалось ему еще очень отдаленным. Больше всего его огорчала незаметность его общественного положения, но он не знал, каким путем достичь высот, на которых можно добыть уважение, могущество и деньги. Он чувствовал себя запертым, навеки замурованным в своей жалкой профессии репортера и не видел возможности какого-либо выхода. Его ценили, но обращались с ним сообразно его рангу. Даже Форестье, которому он оказывал массу услуг, не приглашал его больше обедать и относился к нему как к подчиненному, хотя и продолжал говорить ему «ты» как другу.

Правда, время от времени Дюруа удавалось при случае печатать свои статейки. Благодаря своей хронике он приобрел известную легкость стиля и такт, которого ему недоставало раньше, когда он писал свою вторую статью об Алжире, так что теперь его заметкам на злобу дня не угрожало больше опасности быть отвергнутыми. Но от этого до возможности выбирать темы самостоятельно, по своему желанию, или обсуждать политические вопросы в качестве компетентного судьи было такое же расстояние, как между положением кучера и владельца экипажа, который правит им сам на прогулке по авеню Булонского леса. Особенно угнетало его сознание, что перед ним закрыты двери большого света, что у него нет знакомых, которые относились бы к нему как к равному, что у него не устанавливается близость с женщинами, хотя некоторые актрисы, пользующиеся известностью, проявляли к нему интерес и принимали запросто.

Он знал, по опыту знал, что все они, светские дамы и захудалые актрисы, испытывают по отношению к нему какое-то странное влечение, мгновенно зарождающуюся симпатию, и с терпением стреноженной лошади он ждал минуты, когда познакомится с теми из них, от кого может зависеть его будущее.

У него часто бывало желание посетить госпожу Форестье, но унижительное воспоминание об их последней встрече удерживало его от этого. Кроме того, он ждал приглашения со стороны ее мужа. Он вспомнил о госпоже де Марель и о том, что она просила навестить ее, и отправился к ней как-то после обеда, когда ему было нечего делать.

«До трех часов я всегда дома», – предупредила она его.

В половине третьего он позвонил у ее дверей. Она жила на улице Вернейль, на пятом этаже. На звонок вышла открыть дверь горничная, молоденькая растрепанная служанка. Поправляя чепчик, она сказала ему:

– Госпожа де Марель дома, но не знаю, встала ли она. – И распахнула незапертую дверь в гостиную.

Дюруа вошел. Это была довольно большая комната, скудно меблированная и имевшая неряшливый вид. Выцветшие старые кресла были расставлены вдоль стен так, как вздумалось их поставить служанке; ни на одном предмете не лежало отпечатка изысканной заботливости женщины, любящей свое жилище. На стенах криво висели четыре жалкие картины, небрежно прикрепленные при помощи шнурков неравной длины; они изображали лодку на реке, корабль в море, мельницу среди равнины и дровосека в лесу. Чувствовалось, что они давно уже висят так, забытые равнодушной хозяйкой.

Дюруа сел и стал ждать. Он ждал долго. Наконец дверь открылась и вбежала госпожа де Марель в японском пеньюаре из розового шелка, на котором были вышиты золотые пейзажи, голубые цветы и белые птицы.

Она воскликнула:

– Представьте себе, я была еще в постели. Как это мило с вашей стороны, что вы пришли ко мне! Я была убеждена, что вы обо мне забыли.

С восхищенным видом она протянула ему обе руки, и Дюруа, почувствовавший себя в этой скромной комнате непринужденно, взял ее руки и поцеловал одну из них, как это сделал однажды при нем Норбер де Варенн.

Она усадила его; потом, осмотрев с ног до головы, сказала:

– Как вы изменились! Ваша внешность очень выиграла. Париж хорошо на вас действует. Ну, рассказывайте мне новости.

Они сейчас же принялись болтать как старые знакомые, чувствуя, как внезапно зарождается у них взаимная симпатия, как устанавливаются между ними доверие, близость и приязнь, которые в пять минут делают друзьями два существа одного характера и одной породы.

Вдруг молодая женщина прервала разговор и сказала с удивлением:

– Как это странно, что я так с вами болтаю. Мне кажется, что я вас знаю лет десять. Я уверена, что мы будем добрыми приятелями. Хотите?

Он ответил:

– О, конечно!

А улыбка его говорила еще больше.

Он находил ее очень соблазнительной в этом ярком и нежном пеньюаре, менее тонкой, чем та, другая, в белом, менее женственной, менее изящной, но более возбуждающей, более пикантной.

Находясь возле госпожи Форестье, одновременно привлекавшей и останавливавшей его своей приветливо-холодной улыбкой, говорившей, казалось: «Вы мне нравитесь» – и в то же время: «Берегитесь»; улыбкой, истинного смысла которой он никак не мог уловить, он испытывал желание броситься к ее ногам или покрыть поцелуями нежное кружево ее корсажа, медленно вдыхая теплый аромат ее груди. Возле госпожи де Марель он ощущал более грубое, более определенное желание – желание, заставлявшее его трепетать при виде форм ее тела, обрисовывавшихся под легким шелком.

Она без умолку болтала, приправляя каждую фразу свойственным ей легким остроумием, так мастеровой применяет какой-либо прием, который другим кажется очень трудным и вызывает всеобщее удивление. Он слушал, думая про себя: «Это не мешает запомнить. Можно писать очаровательные парижские хроники, заставляя ее болтать по поводу событий дня».

Кто-то тихо, очень тихо постучал в дверь. Она крикнула:

– Можешь войти, милочка!

Девочка вошла, прямо подошла к Дюруа и протянула ему руку.

Мать с изумлением прошептала:

– Это настоящая победа. Я ее совсем не узнаю.

Поцеловав девочку, молодой человек усадил ее рядом с собой и с серьезным видом стал ласково расспрашивать ее о том, как она проводила время после их встречи. Она отвечала своим тоненьким, нежным, как флейта, голоском с важным видом взрослой особы.

Пробило три часа. Журналист встал.

– Приходите почаще. – сказала госпожа де Марель. – Мы будем болтать, как сегодня. Это доставит мне большое удовольствие. А почему это вас больше не видно у Форестье?

Он ответил:

– Это не вызвано никакой серьезной причиной. Я был очень занят. Надеюсь, что как-нибудь на днях мы там встретимся.

И он вышел с сердцем, полным смутной надежды.

Он не рассказал Форестье об этом визите.

Но в течение последующих дней он хранил воспоминание о нем, больше чем воспоминание, ощущение какого-то нереального, но постоянного присутствия этой женщины. Ему казалось, что он завладел частицей ее самой: ее телесный образ стоял у него перед глазами, а сла-

дость ее духовного существа проникла в сердце. Мысль о ней неотступно преследовала его, как это бывает иногда, после того как проведешь несколько очаровательных часов возле любимого человека. Это какая-то одержимость, какое-то подчинение, странное, интимное, неясное, волнующее и восхитительное именно в силу своей таинственности.

Через несколько дней он пришел к ней снова. Горничная провела его в гостиную, и сейчас же появилась Лорина.

На этот раз она уже не протянула руки, а подставила для поцелуя свой лобик и сказала:

– Мама велела мне попросить вас подождать ее. Она выйдет через четверть часа, потому что еще не одета. Я посижу с вами.

Дюруа, которого забавляли церемонные манеры девочки, ответил:

– Отлично, мадемуазель, я с удовольствием проведу с вами четверть часа. Но предупреждаю: я совсем несерьезен. Я играю по целым дням. И потому предлагаю вам поиграть в кошку и мышку.

Девочка стояла пораженная. Потом она улыбнулась, как улыбнулась бы взрослая женщина, выслушав предложение, несколько шокирующее и удивляющее ее, и прошептала:

– В комнатах не играют.

Он возразил:

– Мне все равно. Я играю везде. Ну, ловите меня.

Он начал кружиться вокруг стола, поддразнивая ее и заставляя ловить себя. Она следовала за ним, не переставая улыбаться с видом вежливой снисходительности, иногда протягивала руку, чтобы дотронуться до него, но все еще не позволяла себе бежать за ним.

Он останавливался, нагибался и, когда она нерешительными шажками подходила к нему, подскакивал, словно чертик в ящике⁸, и одним прыжком оказывался на другом конце гостиной. Это занимало ее, она в конце концов начала смеяться и, оживившись, стала бегать за ним, издавая боязливо-радостные восклицания, когда ей казалось, что вот-вот она поймает его. Он подставлял стулья, преграждая ей дорогу, заставлял ее вертеться вокруг одного из них, потом бросал его и хватал другой. Лорина бегала теперь за ним, всем своим существом наслаждаясь этой новой игрой. С разругавшимся лицом, она по-детски радовалась всем прыжкам, хитростям и уловкам своего товарища.

Вдруг, в ту минуту, когда ей казалось, что она сейчас его поймает, он схватил ее и поднял до потолка, крикнув:

– Попалась!

Восхищенная девочка болтала ногами, пытаясь вырваться, и смеялась от всего сердца.

Госпожа де Марель вошла и остановилась, пораженная:

– Лорина... Лорина играет... Да вы просто волшебник, господин Дюруа!

Дюруа опустил девочку на пол, поцеловал руку матери, и они сели, посадив между собой ребенка. Им хотелось поговорить, но Лорина, обычно такая молчаливая, болтала без умолку, все еще охваченная возбуждением, вызванным в ней игрой. Пришлось отправить ее в детскую.

Она повиновалась молча, но со слезами на глазах.

Когда они остались вдвоем, госпожа де Марель понизила голос:

– Знаете что, у меня грандиозный проект, и я подумала о вас. Дело вот в чем: я каждую неделю обедаю у Форестье и время от времени в свою очередь приглашаю их пообедать со мной в ресторане. Я не люблю принимать у себя; я совсем не создана для этого, и, кроме того, я ничего не понимаю в хозяйстве, в кухне, во всех этих вещах. Я люблю жить не стесняя себя. Итак, время от времени я приглашаю их в ресторан, но когда мы бываем втроем, то это не очень-то весело, а мои знакомые к ним не подходят. Я говорю вам все это, чтобы объяснить

⁸ ...чертик в ящике... – популярная во Франции детская игрушка.

свое не совсем обычное приглашение. Вы, конечно, понимаете, что я прошу вас принять участие в наших субботах, в кафе «Риш», в половине восьмого. Вы знаете этот ресторан?

Он с восторгом принял приглашение. Она продолжала:

– Нас будет только четверо. Как раз две пары. Эти маленькие пирушки очень развлекают нас, женщин: мы ведь к ним не привыкли.

На ней было платье каштанового цвета, кокетливо и вызывающе облегавшее ее талию, бедра, грудь и плечи, и Дюруа почувствовал изумление, почти смущение, истинную причину которых он не мог уловить, от несоответствия элегантности ее костюма с неряшливой обстановкой квартиры.

Все, что облекало ее фигуру, что непосредственно и тесно прикасалось к ее телу, было изящно и тонко, а окружающая обстановка нисколько не интересовала ее.

Он покинул ее, сохранив, как и в прошлый раз, ощущение непрерывного ее присутствия, доходившее до галлюцинации чувств. И стал ждать назначенного дня с возрастающим нетерпением.

Он снова взял напрокат черный фрак, так как был еще не в состоянии приобрести парадный костюм, и явился на место свидания первым, за несколько минут до условленного часа.

Его проводили на третий этаж, в маленький, обитый красным кабинет с единственным окном, выходящим на бульвар.

На квадратном столике, накрытом на четыре прибора, была разостлана белая скатерть, такая блестящая, что она казалась лакированной. Стаканы, серебро, грелка весело сверкали при огне двенадцати свечей, вставленных в два высоких канделябра.

За окном виднелось большое светло-зеленое пятно, образованное ветвями дерева, попавшего в полосу яркого света, падавшего из окон отдельных кабинетов.

Дюруа сел на очень низкий диван, такой же красный, как обивка стен. При этом ослабевшие пружины подались под тяжестью его тела, и ему показалось, что он проваливается в яму. Во всем этом огромном доме слышался неясный гул больших ресторанов, возникающий от звона посуды и серебра, быстрых, заглушенных шагов лакеев, стука открывающихся дверей, из-за которых на мгновение доносятся голоса людей, обедающих во всех этих маленьких отдельных кабинетах.

Форестье вошел и пожал ему руку с дружеской фамильярностью, какой он никогда не проявлял по отношению к нему в редакции «Ви Франсез».

– Дамы придут вместе, – сказал он. – Как милы эти обеды!

Потом он осмотрел стол, потушил слабо мерцающий газовый рожок, закрыл одну створку окна, так как из него дуло, выбрал себе место, защищенное от сквозняка, и сказал:

– Мне нужно беречься. Целый месяц я чувствовал себя хорошо, а теперь я опять нездоров уже несколько дней. Должно быть, я простудился во вторник, выходя из театра.

Дверь открылась, и показались обе молодые женщины в сопровождении метрдотеля. Они были под вуалями и держали себя с той скромной сдержанностью, с той очаровательной таинственностью, какой всегда облачают себя женщины в подобных местах, где каждое соседство, каждая встреча вызывают подозрения.

Когда Дюруа здоровался с госпожой Форестье, она пожурила его за то, что он не заходит к ней. Потом, с улыбкой взглянув на свою подругу, добавила:

– Вы предпочитаете госпожу де Марель. Для нее у вас находится время.

Затем все уселись, и метрдотель вручил Форестье карточку вин. Госпожа де Марель воскликнула:

– Мужчинам дайте то, что они выберут, а нам принесите замороженного шампанского, самого лучшего, сладкого, и ничего больше.

И когда лакей вышел, она заявила, возбужденно смеясь:

– Сегодня я хочу напиться. Мы будем кутить, по-настоящему кутить.

Форестье, по-видимому, не слышал ее; он спросил:

– Вы ничего не имеете против того, чтобы закрыть окно? Я уже несколько дней как простужен.

– Пожалуйста.

Он поднялся, чтобы закрыть оставшуюся полуоткрытой створку окна, затем снова уселся с прояснившимся, успокоенным видом.

Жена его молчала и казалась погруженной в свои мысли; опустив глаза на стол, она смотрела на бокалы со своей неопределенной улыбкой, которая как будто всегда что-то обещала и никогда не исполняла обещанного.

Подали остендские устрицы, крошечные и жирные, похожие на маленькие ушки, заключенные в раковины; они таяли между небом и языком, словно соленые конфеты.

После супа подали речную форель, розовую, как тело молодой девушки, и началась беседа.

Сначала заговорили о происшествии, наделавшем много шума, о случае с одной дамой из общества, которую друг ее мужа застал ужинающей в отдельном кабинете с каким-то иностранным князем.

Форестье много смеялся по поводу этого приключения; дамы объявили, что нескромный болтун – негодяй и подлец. Дюруа присоединился к их мнению и громко заявил, что мужчина в такого рода делах, какую бы роль он ни играл – действующего лица, поверенного или простого зрителя, – должен быть нем как могила. Он прибавил:

– Жизнь была бы очаровательна, если бы мы могли рассчитывать на безусловную обоюдную скромность. Часто, очень часто, почти всегда, женщин удерживает только страх разглашения их тайны.

Затем произнес с улыбкой:

– Разве это не правда? Многие женщины не задумались бы отдаться мимолетному влечению, неожиданной и взбалмошной прихоти одного часа, если бы они не боялись, что за минутное счастье им придется расплачиваться неизгладимым позором и горькими слезами.

Он говорил с заразной убежденностью, словно защищая чьи-то интересы, свои интересы, словно заявляя: «Со мной не пришлось бы опасаться подобных неприятностей. Попробуйте – и вы в этом убедитесь».

Обе женщины смотрели на него, одобряя его взглядом, находя его слова вполне справедливыми, подтверждая своим сочувственным молчанием, что их непоколебимая нравственность парижанок недолго устояла бы, будь они уверены в сохранении тайны.

Форестье, который полулежал на диване, подогнув под себя одну ногу и засунув за жилет салфетку, чтобы не запачкать фрак, вдруг убежденно заявил со скептическим смехом:

– Само собой разумеется, они не дали бы маху, если бы были уверены в молчании. Черт побери! Бедные мужья!

Разговор перешел на тему о любви. Дюруа не допускал существования вечной любви, но считал, что она может быть продолжительной, создающей тесные узы, нежную дружбу. Физическое соединение лишь закрепляет союз сердец. Но мучительная ревность, драмы, стоны, страдания, почти всегда сопровождающие разрыв, приводили его в негодование.

Когда он замолчал, госпожа де Марель вздохнула:

– Да, это единственная хорошая вещь в жизни, но мы ее часто портим, предъявляя чрезмерные требования.

Госпожа Форестье сказала, играя ножом:

– Да... да... приятно быть любимой...

И казалось, что мечты ее идут еще дальше, что в грезах своих она представляет себе такие вещи, которых не решается высказать.

Так как следующее блюдо долго не приносили, они время от времени прихлебывали шампанское, закусывая поджаристой корочкой маленьких круглых хлебцев. Мысль о любви, томная, пленительная, проникала в их души, постепенно опьяняя их, подобно тому как прозрачное вино, глоток за глотком, разгорячало их кровь и туманило ум.

Подали бараньи котлеты, нежные, воздушные, разложенные на густом слое мелких головок спаржи.

– Черт возьми! Славная штука! – вскричал Форестье.

Они ели медленно, смакуя нежное мясо и овощи, жирные, как сливки.

Дюруа продолжал:

– Когда я люблю женщину, все остальное в мире для меня не существует.

Он сказал это убежденно, возбуждаясь при мысли о наслаждениях любви, а пока что наслаждаясь вкусным обедом.

Госпожа Форестье прошептала со свойственным ей безучастным видом:

– Ни с чем нельзя сравнить счастье первого жатия рук, когда одна из них спрашивает: «Вы меня любите?» – а другая отвечает: «Да, я тебя люблю!»

Госпожа де Марель, залпом осушив бокал шампанского, весело сказала, ставя бокал на стол:

– Что касается меня, то я не довольствуюсь платонической любовью.

И все с блестящими глазами принялись сочувственно смеяться.

Форестье растянулся на диване, расставил руки, оперся локтями на подушки и сказал серьезным тоном:

– Ваша откровенность делает вам честь и доказывает, что вы – практичная женщина. Но нельзя ли узнать, каково мнение господина де Мареля на этот счет?

Она медленно пожала плечами с видом бесконечного презрения. Потом сказала отчетливо:

– Господин де Марель на этот счет мнения не имеет. Он... он воздерживается.

Из области возвышенных теорий о нежных чувствах разговор спустился в цветущий сад утонченного цинизма.

Наступил час изящных двусмысленностей слов, приподнимающих покровы, как приподнимают женскую юбку, час искусных обиняков, смелых, слегка замаскированных намеков, бесстыдного лицемерия приличных фраз, таящих в себе нескромные образы – фраз, являющих взору и воображению все то, чего нельзя сказать прямо, и помогающих светским людям создать вокруг себя атмосферу какой-то изысканной и таинственной любви, какое-то нечистое прикосновение волнующих и чувственных, как объятие, мыслей и представлений о всех скрываемых, постыдных и страстно желанных подробностях плотских объятий. Подали жаркое – молодых куропаток, обложенных перепелками, потом зеленый горошек, потом паштет и к нему салат с зубчатыми листьями, словно зеленый мох, наполнявший большой салатник в виде таза. Собеседники ели все это, не замечая вкуса блюд, занятые исключительно своим разговором, погруженные в волны любви.

Женщины отпускали теперь рискованные замечания – госпожа де Марель со свойственной ей смелостью, похожей на вызов, госпожа Форестье с очаровательной сдержанностью, с оттенком стыдливости в тоне, в голосе, в улыбке, во всей манере себя держать, которая только подчеркивала смелые замечания, исходившие из ее уст, а отнюдь не смягчала их.

Форестье, развалившись на подушках, смеялся, пил, ел не переставая и время от времени вставлял такую рискованную и грубую фразу, что женщины, немного шокированные формой ее, а отчасти для приличия, принимали на несколько секунд смущенный вид. Произнеся что-нибудь очень уж неприличное, он прибавлял:

– Отлично, дети мои. Если вы будете продолжать в том же духе, вы наделаете глупостей.

Подали десерт, потом кофе. Ликеры еще более разгорячили и отуманили возбужденное воображение.

Госпожа де Марель выполнила обещание, которое дала, садясь за стол: она действительно опьянела; сознавая это и желая позабавить своих гостей, она с веселой и болтливой грацией притворялась еще более пьяной, чем была на самом деле.

Госпожа Форестье теперь молчала, быть может, из осторожности. Дюруа же чувствовал себя крайне возбужденным и искусно скрывал это, боясь чем-нибудь себя скомпрометировать.

Закурили папиросы, и Форестье вдруг закашлялся.

Ужасный приступ кашля разрывал ему грудь; с красным лицом, со вспотевшим лбом, он задыхался, прижав салфетку к губам. Когда припадок прошел, он сердито проворчал:

– Эти удовольствия – не для меня. Это просто глупо.

Его веселое настроение исчезло, уступив место неотступно преследовавшему его страху перед болезнью.

– Пойдем домой, – сказал он.

Госпожа де Марель звонком вызвала лакея и приказала подать счет. Счет был подан почти сейчас же. Она хотела посмотреть его, но цифры прыгали у нее перед глазами, и она протянула его Дюруа:

– Вот, платите за меня, я ничего не вижу: слишком пьяна.

И она бросила ему кошелек.

Общая цифра достигала ста тридцати франков. Дюруа просмотрел и проверил счет, дал два кредитных билета и, получая сдачу, спросил вполголоса:

– Сколько нужно оставить на чай?

– Сколько хотите, я не знаю.

Он положил на тарелку пять франков и возвратил молодой женщине кошелек со словами:

– Вы мне позволите проводить вас?

– Конечно. Я не в состоянии добраться домой одна.

Они попрощались с супругами Форестье, и Дюруа очутился в фиакре вдвоем с госпожой де Марель.

Он чувствовал ее возле себя, совсем близко, запертую вместе с ним в темной коробке, освещавшейся на мгновение лучами уличных фонарей. Он чувствовал сквозь ткань одежды теплоту ее плеча и не в состоянии был сказать ей ни слова, ни одного слова, потому что мысли его были парализованы непреодолимым желанием схватить ее в свои объятия.

«Что она сделает, если я осмелюсь?» – думал он. Воспоминание о всех непристойностях, произнесенных во время обеда, ободряло его, но в то же время боязнь скандала удерживала от какого-либо шага.

Она тоже молчала и сидела неподвижно, откинувшись в угол кареты. Он подумал бы, что она спит, если бы не видел блеска ее глаз всякий раз, когда в карету проникал свет.

«О чем она думает?» Он чувствовал, что не нужно говорить, что одно слово, одно-единственное слово, которое нарушит молчание, может испортить все; но у него не хватало смелости для внезапного и грубого действия.

Вдруг он почувствовал, что она шевельнула ногой.

Она сделала движение, резкое, нервное движение, выразившее нетерпение или, быть может, призыв. При этом едва уловимом жесте он затрепетал весь, с ног до головы, и, быстро повернувшись, бросился на нее, ища губами ее губы и руками ее обнаженное тело.

Она испустила слабый крик, пытаясь выпрямиться, вырваться, оттолкнуть его; потом уступила, словно у нее не было сил сопротивляться дольше.

Карета скоро остановилась перед ее домом, и Дюруа, не ожидавший этого, не успел подыскать страстные слова, чтобы поблагодарить ее, выразить свою признательность и любовь.

Она между тем не поднималась, не двигалась, ошеломленная случившимся. Тогда он испугался, как бы не вызвать подозрений у кучера, вышел первый и подал руку молодой женщине.

Она вышла наконец из фиакра, слегка пошатываясь и не говоря ни слова. Он позвонил и, когда дверь отворилась, спросил, дрожа от волнения:

– Когда я вас снова увижу?

Она прошептала так тихо, что он еле расслышал:

– Приходите завтра ко мне завтракать.

И, толкнув тяжелую дверь, захлопнувшуюся с грохотом, похожим на пушечный выстрел, она исчезла во мраке подъезда.

Он дал кучеру пять франков и пошел вперед быстрой торжествующей походкой, с сердцем, полным радости.

Наконец-то он обладал замужней женщиной! Светской женщиной, настоящей светской женщиной, парижанкой! Как все это произошло легко и неожиданно!

До сих пор он представлял себе, что победа над этими обольстительными созданиями сопряжена со всевозможными хлопотами, с бесконечными выжиданиями, с искусной осадой, ухаживанием, любовными словами, вздохами и подарками. И вот при малейшем натиске первая из них, которую он встретил, отдалась ему с такой быстротой, что повергла его в изумление.

«Она была пьяна, – подумал он, – завтра будет другая песня. Начнутся слезы». Эта мысль обеспокоила его, но он сказал себе: «Что ж делать! Тем хуже. Теперь, когда она принадлежит мне, я сумею ее удержать».

И в неясных картинах, сотканных из его надежд на почести, успех, славу, богатство и любовь, он внезапно увидел подобную вереницу статисток, проходящих в «апофеозе» процессию женщин, изящных, богатых, влиятельных, исчезающих с улыбкой, одна за другой, в золотых облаках его грез.

Его сон был полон видений.

На другой день, поднимаясь по лестнице к госпоже де Марель, он чувствовал себя немного взволнованным. Как она примет его? А что, если совсем не примет? Что, если она приказала даже не впускать его в дом? Что, если она рассказала кому-нибудь? Нет... она ни о чем не могла сказать, не открыв всей истины. Итак, он господин положения.

Горничная открыла дверь. У нее было обычное лицо. Это его успокоило, словно он ожидал, что служанка выйдет к нему с расстроенным видом.

Он спросил:

– Как чувствует себя госпожа де Марель?

Она ответила:

– Очень хорошо, как всегда.

И провела его в гостиную.

Он подошел к камину, желая удостовериться, что его прическа и костюм в порядке, и начал оправлять перед зеркалом галстук, как вдруг заметил в нем молодую женщину, смотревшую на него с порога спальни.

Он притворился, что не заметил ее, и в течение нескольких секунд они с напряженным вниманием следили друг за другом в зеркале, прежде чем встретиться лицом к лицу.

Он обернулся. Она не двигалась с места и, казалось, выжидала. Он устремился к ней со словами:

– Как я люблю вас! Как я люблю вас!

Она раскрыла объятия и прижалась к его груди. Потом подняла голову, и они обменялись долгим поцелуем.

Он подумал: «Это, однако, гораздо легче, чем я ожидал. Все идет прекрасно». Их губы разъединились. Он молчал, улыбался, стараясь выразить своим взглядом безграничную любовь.

Она тоже улыбалась, как улыбаются женщины, когда они хотят выразить свое желание, свою готовность, свою жажду отдаться. Она прошептала:

– Мы одни. Я отослала Лорину завтракать к ее подруге.

Он вздохнул, целуя ее руки.

– Благодарю, я вас обожаю.

Она взяла его под руку, словно он был ее мужем; они подошли к дивану, сели рядом.

Теперь ему нужно было начать интересную и обольстительную беседу, но, не находя подходящей темы, он нерешительно проговорил:

– Так вы на меня не очень сердитесь?

Она зажала ему рот рукой.

– Молчи!

Они сидели, не говоря ни слова, глядя друг на друга, сжимая друг другу пылающие руки.

– Как я жаждал обладать вами! – сказал он.

Она повторила:

– Молчи!

Слышно было, как горничная гремела в столовой тарелками.

Он встал:

– Я не могу сидеть рядом с вами. Я теряю голову.

Дверь отворилась.

– Кушать подано.

Он торжественно повел ее к столу.

За завтраком они сидели друг против друга, беспрестанно обмениваясь взглядами и улыбками, занятые только собой, овеянные сладким очарованием зарождающейся нежности. Они ели, не замечая блюд. Он почувствовал, что ножка, маленькая ножка блуждает под столом. Он охватил ее своими ногами и не выпускал, сжимая изо всех сил.

Горничная входила и уходила, приносила и уносила блюда, с равнодушным видом, словно ничего не замечая.

После завтрака они вернулись в гостиную и снова сели на диване рядом.

Он понемногу приближался к ней, пытаясь ее обнять, но она спокойно его отталкивала:

– Осторожнее, могут войти...

Он прошептал:

– Когда же я увижу вас совсем одну, чтобы я мог высказать вам, как я люблю вас?

Она нагнулась к его уху и сказала очень тихо:

– На днях я зайду к вам ненадолго.

Он почувствовал, что краснеет.

– Но у меня... у меня... очень скромно.

Она улыбнулась:

– Это ничего. Я приду, чтобы видеть вас, а не вашу квартиру.

Тогда он начал настаивать, чтобы она сказала, когда придет. Она назначила день в конце следующей недели. Он умолял ее ускорить свидание, бормоча бессвязные фразы, до боли сжимая ее руки; глаза его блестели, лицо покраснелось, пылало желанием, бурным желанием, являющимся обычным следствием таких интимных завтраков.

Ее забавляла пылкость, с которой он умолял ее, и она уступала ему по одному дню. Но он повторял:

– Завтра... скажите... завтра...

Наконец она согласилась:

– Хорошо. Завтра. В пять часов.

Он испустил долгий радостный вздох; они начали беседовать почти спокойно, дружелюбно, словно были знакомы уже двадцать лет.

Раздался звонок; они вздрогнули и быстро отодвинулись друг от друга.

Она прошептала:

– Это, должно быть, Лорина.

Девочка вошла, остановилась, удивленная, потом подбежала к Дюруа и, хлопая в ладоши, вне себя от радости при виде его, вскричала:

– Милый друг!

Госпожа де Марель засмеялась:

– Милый друг! Лорина вас окрестила так. Это очень удачное дружеское прозвище для вас. Я тоже вас буду называть Милым другом!

Он усадил девочку к себе на колени, и ему пришлось играть с ней во все игры, которым он ее научил.

Без двадцати три он встал, чтобы идти в редакцию. На лестнице он еще раз шепнул в полураскрытую дверь:

– Завтра, в пять часов.

Молодая женщина ответила улыбкой «да» и исчезла.

Окончив свою обычную работу, он задумался о том, как ему убрать свою комнату для приема любовницы, как лучше всего скрыть убожество своего жилища. Ему пришло в голову приколоть к стенам разные японские безделушки. За пять франков он купил целую коллекцию цветных лоскутков, маленьких вееров, экранчиков и прикрыл ими наиболее заметные пятна на обоях. На оконные стекла он наклеил прозрачные картинки, изображавшие речные суда, птиц, летящих по красному небу, разноцветных дам на балконах, процессии черненьких человечков,двигающихся по снежным равнинам.

Его крохотная комнатка, в которой с трудом можно было повернуться одному человеку, скоро стала походить на внутренность разрисованного бумажного фонаря. Он остался доволен получившимся впечатлением и весь вечер приклеивал к потолку птиц, вырезанных из оставшейся у него цветной бумаги.

Потом он лег спать, убаюкиваемый свистками паровозов.

На другой день он вернулся рано, с пакетом пирожных и бутылкой мадеры, купленной им в бакалейной лавке. Ему пришлось еще раз выйти, чтобы достать две тарелки и два стакана; он поставил угощение на туалетном столике, прикрыв его грязную деревянную доску салфеткой, а таз и кувшин спрятав под стол.

И стал ждать.

Она пришла в четверть шестого. Восхищенная яркой пестротой рисунков, она воскликнула:

– У вас очень мило! Только на лестнице слишком много народу.

Он обнял ее, страстно целуя сквозь вуаль ее волосы между лбом и шляпой. Полтора часа спустя он проводил ее до стоянки извозчиков на Римской улице.

Когда она села в экипаж, он прошептал:

– Во вторник. В это же время.

Она сказала:

– В это же время, во вторник.

И так как было уже темно, она привлекла к себе его голову через дверцу экипажа и поцеловала в губы. Когда кучер хлестнул лошадь, она крикнула:

– До свиданья, Милый друг!

И ветхая каретка тронулась в путь, увлекаемая усталой рысью белой клячи.

В течение трех недель Дюруа принимал таким образом госпожу де Марель каждые два-три дня, иногда утром, иногда вечером.

Как-то раз, когда он ждал ее в послеобеденное время, громкие крики на лестнице заставили его подойти к двери. Раздавался громкий плач ребенка. Сердитый мужской голос закричал:

– Чего он воеет, этот чертенок?

Визгливый, раздраженный женский голос ответил:

– Эта шлюха, которая таскается к журналисту, что над нами, сбила с ног Никола на площадке. Не следовало бы пускать этих потаскушек; не замечают детей на лестницах!

Дюруа, растерявшись, отскочил от дверей, так как он услышал этажом ниже быстрое шуршание юбок и торопливые шаги, поднимающиеся по лестнице.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.